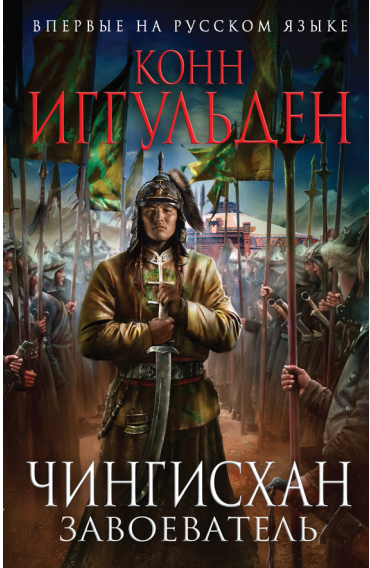

Конн Иггульден
Завоеватель
Серия «Чингисхан», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8739331
Конн Иггульден. Завоеватель: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-77420-3
Оригинал: Connlggulden, "Conqueror"
Перевод:
Ж. А. Терехина

Аннотация

Видимо, проклят род великого Чингисхана, ибо нет покоя в его империи – и мира между его потомками. И десятилетия не прошло со дня смерти великого хана Угэдэя, а поминальщицы уже оплакали его сына, хана Гуюка. А остальные внуки великого завоевателя принялись рвать огромный Чингисов улус, как волки – павшего оленя... Недалек тот час, когда брат пойдет на брата, мечтая об одном – о троне в Каракоруме, а планы Чингисхана о завоевании мира пойдут прахом. Но нашелся чингизид, который железной рукой остановил развал империи – и расширил ее до пределов возможного. Его называли по-разному – и неженкой, и книжным червем, и предателем. Но именно ему предстояло стать настоящим наследником своего деда. Завоевателем и покорителем, великим ханом Хубилаем...

Содержание

Основные действующие лица	5
Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	57
Глава 11	62
Глава 12	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Конн Иггульден Завоеватель

Посвящается Клайву Руму

© Conn Iggulden 2011

© Терехина Ж. А., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском язык. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Основные действующие лица

Мункэ, Хубилай, Хулагу, Арик-бокэ – четыре сына Тулуя, внуки Чингисхана.

Гуюк – сын Угэдэй-хана и Дорегене.

Бату (Батый) – сын Джучи, внук Чингисхана, поработитель русских княжеств.

Субэдэй-багатур – великий полководец времен Чингисхана и Угэдэй-хана.

Дорегене – мать Гуюка, после смерти Угэдэя стала регентом.

Сорхатани – мать четверых внуков Чингисхана – Мункэ, Хубилая, Хулагу и Арик-бокэ. Жена Тулуя, младшего сына Чингисхана, отдавшего жизнь за спасение Угэдэй-хана.

Байдур – сын Чагатая, отец Алгу, властитель Чагатайского улуса, сосредоточенного вокруг Самарканда и Бухары.

Часть первая 1244 год

Глава 1

Над Каракорумом бушевала гроза. Дождь так и хлестал в ночном мраке, по улицам текли бурные потоки. В загонах с толстыми стенами жались друг к другу овцы. Жир на их шерсти защищал от влаги, но овец не выводили на пастбище, вот они и блеяли от голода, жалуясь друг другу. Временами то одна, то другая становилась на дыбы и пугала остальных – получалась живая гора с множеством безумных глаз и лежащихся ног, которая вскоре снова растекалась бурлящей массой.

Ханский дворец освещали лампы, потрескивающие и плюющиеся маслом на стены и ворота. За стенами дворца раскаты грома казались гулом; он звучал то громче, то тише, пока ливень хлестал внутренние дворики. Испуганные грозой слуги с благоговением взирали на залитые дождем сады и дворы. Они стояли небольшими группами, смердя мокрой шерстью и шелком, из-за грозы позабыв свои обязанности.

Гуюку шум ливня досаждал, как погруженному в раздумья человеку досаждают поющие себе под нос. Он аккуратно налил вина своему гостю и отодвинулся подальше от окна, каменный подоконник которого уже потемнел от влаги. Пришедший по его зову нервно оглядывал зал для приемов. Размер его, по мнению Гуюка, должен был подавить любого, кто привык к утлым равнинным юртам. Ханский сын вспомнил, как сам впервые заночевал в этом тихом дворце, как боялся, что камни и плиты обрушатся и раздавят его. Сейчас те страхи вызывали у него усмешку, а вот его гость то и дело поглядывал на потолок. Гуюк улыбнулся. Его отец Угэдэй построил Каракорум, мечтая о великом.

Когда ханский сын отставил каменный кувшин и вернулся к гостю, его губы вытянулись в тонкую полоску. Ради титула, принадлежащего ему по праву, отцу не следовало ни угождать царевичам, ни давать взятки, ни умолять, ни угрожать.

– Угощайся, Очир, – проговорил Гуюк, протягивая чашу двоюродному брату. – Вкус мягкий, как у айрага.¹

Он старался быть вежливым с едва знакомым ему человеком. Впрочем, Очир – один из сотни ханских внуков и правнуков, в поддержке которых нуждался Гуюк. Хачиун, отец Очира, был большим военачальником, его память чтили и по сей день.

В виде одолжения Гуюку Очир осушил чашу без пауз и заминок – сделал два больших глотка и рыгнул.

¹ Айраг – монгольское название кумыса.

– Как вода, – объявил он, но снова протянул чашу.

Улыбка Гуюка теперь больше походила на оскал. Один из его помощников молча поднялся, принес кувшин и наполнил обе чаши. Ханский сын опустился на длинное мягкое сиденье напротив Очира, стараясь сбросить напряжение и держаться вежливо.

– Тебе наверняка известно, зачем я сегодня тебя вызвал, – проговорил он. – Ты человек влиятельный, из хорошей семьи. Когда в горах хоронили твоего отца, я был там.

Очир подался вперед, стараясь не упустить ни слова.

– Жаль, что он не видел того, что повидал ты, – сказал он. – Я... едва его знал. У отца было много сыновей. Но он хотел идти в Большой поход на запад вместе с Субэдэем. Его смерть – огромная утрата.

– Да-да, конечно! Твой отец был человеком благородным, – легко согласился Гуюк. Он рассчитывал сделать Очира соратником, значит, пустая хвала не помешает. Царевич глубоко вдохнул. – Ради твоего отца я и позвал тебя сюда. Очир, семьи той ветви тебе подчиняются?

Очир глянул в окно: дождь стучал по подоконнику так, словно не собирался останавливаться. Гость Гуюка был в рубаше, узких штанах. Сверху – простой халат дэли, на сношенных сапогах никакой отделки. Даже шапка решительно не соответствовала роскоши дворца: грязная, вся в жирных волосах, такие пастухи носят.

Очир осторожно поставил чашу на каменный пол. Мужественным лицом он напоминал хозяину дворца покойного Хачиуна.

– Мне известно, что тебе угодно, Гуюк. Я сказал это посланникам твоей матери, когда они приезжали ко мне с дарами. О решении своем я объявлю на курултае вместе с остальными, и не раньше. Опрометчивых обещаний у меня не вырвут. Я говорил об этом, и не раз.

– Ты не присягнешь на верность родному сыну Угэдэя? – осведомился Гуюк. Его голос угрожающе зазвенел, щеки зарделись от вина, и Очир, заметив тревожные знаки, не стал спешить с ответом. Помощники царевича зашевелились, как псы перед дракой.

– Я так не говорил, – с осторожностью ответил гость. В зале для собраний ему становилось все неудобнее, и он решил поскорее отсюда выбраться. Гуюк промолчал, и Очир поспешил заполнить паузу. – Твоя мать – хороший регент. Она не позволила нам распасться, наша сплоченность – ее заслуга, с этим не поспоришь.

– Народом Чингиса женщине править негоже, – категорично заявил Гуюк.

– Возможно, однако твоя мать правит, и правит хорошо. Горы до сих пор не рухнули. – Очир улыбнулся собственным словам. – Согласен, рано или поздно понадобится хан, но такой, которому доверяют все. До борьбы за власть, какую вели твой отец и его брат, дойти не должно. Войну между царевичами нашему народу пока не выдержать. Когда появится явный лидер, я отдам ему свой голос.

Гуюк едва сдержался, чтобы не вскочить. Его поучают, словно он ничего не понимает, словно не прождал впустую целых два года!

Очир понаблюдав за ним, нахмурился и еще раз украдкой оглядел зал. Помощников четверо. Сам он без оружия: все забрали после тщательного обыска у наружной двери. Очиру стало не по себе: уж слишком внимательно наблюдают за ним помощники Гуюка. Да они смотрят на него, как тигры на привязанного козленка!

Гуюк медленно поднялся, подошел к кувшину с вином и поднял: надо же, какой тяжелый...

– Это город моего отца и дом моего отца. Я – первенец Угэдэя, внук великого Чингисхана, а ты, Очир, не желаешь клясться мне в верности, словно мы тут из-за хорошей кобылы торгуемся...

Он поднял кувшин, но его гость прикрыл чашу ладонью и покачал головой. Очир заметно нервничал из-за того, что Гуюк над ним возвышается, но произнес твердо, не позволяя себя запугивать:

– Мой отец клялся в верности твоему, Гуюк. Но ведь есть и другие. Байдур на западе...

– Правит своими землями и ни на что не претендует, – перебил Гуюк.

– Будь твое имя в завещании, многие проблемы решились бы, – после небольшой паузы продолжил Очир. – Половина царевичей уже поклялась бы тебе в верности.

– Это старое завещание, – отозвался Гуюк. Его голос зазвучал глуше, зрачки расширились, словно он видел только мрак; дыхание сбилось.

– Еще есть Бату, – явно волнуясь, добавил Очир. – Он старший из братьев; еще Мункэ, первенец Тулуя. Претендентов немало, Гуюк. Зря ты ждешь...

Сын хана поднял каменный кувшин, от напряжения у него даже костяшки побелели. Во взгляде Очира читался испуг.

– Я жду верности! – заорал Гуюк и с силой ударил кувшином Очира по лицу.

У того аж голова в сторону дернулась. На лбу заалела ссадина, потекла кровь; защищаясь, раненый поднял ладонь. Гуюк с ногами залез на низкое сиденье, оседлал своего гостя и снова ударил его кувшином. На сей раз каменная посуда треснула, а Очир позвал на помощь.

– Гуюк! – в ужасе крикнул один из присутствующих в зале.

Все вскочили на ноги, но вмешиваться не решались. Тем временем на мягком сиденье кипела драка. Очир схватил Гуюка за шею. Только разве скользкими от крови пальцами ухватишь как следует? Снова и снова кувшин рушился Очирю на голову – и вдруг раскололся. В руках у Гуюка осталась овальная ручка, зазубренная и жесткая. Задышавшись от возбуждения, свободной рукой он вытер кровь со щеки.

Лицо Очира превратилось в кровавое месиво, уцелел только один глаз. Он попытался снова дотянуться до горла двоюродного брата, но безуспешно. Гуюк отбил его легко, со смехом.

– Я сын хана, – напомнил он. – Скажи, что поддержишь меня. Громко скажи!

Говорить Очир не мог. Он давился собственной кровью, его тело сотрясали судороги. Лишь бульканье слетело с разбитых губ.

– Не скажешь? Даже это не скажешь? Тогда всё, Очир, ты мне больше не нужен.

На глазах у потрясенных помощников Гуюк ударил несчастного зазубренной рукоятью. Бульканье стихло. Ханский сын встал и уронил рукоять на каменные осколки. Осмотрел себя с отвращением, внезапно осознав, что весь в крови: в волосах брызги, на дэли большое пятно.

Взгляд Гуюка вновь стал осмысленным. Он увидел разинутые рты своих помощников. Трое стояли истуканами, и лишь один, судя по задумчивому выражению лица, рассмотрел за убийством спор. Этот задумчивый и привлек внимание Гуюка. Гансух, высокий молодой воин, считался самым метким лучником в свите Гуюка. Именно он заговорил первым, буквально источая спокойствие:

– Господин, Очира хватятся. Позвольте унести отсюда тело, пока еще темно. Если бросить его в проулке, семья Очира решит, что на него напал вор.

– Пусть лучше его вообще не найдут, – отозвался Гуюк и стер кровавые пятна с лица. Злость и раздражение исчезли без следа, сменившись умиротворением.

– Как пожелаете, господин. В южной части города роют новые ямы для сточных вод... Гуюк жестом велел ему замолчать.

– Не желаю об этом слышать. Избавься от тела, Гансух, и я в долгу не останусь. – Посмотрел на остальных. – Ну, так что, справится Гансух в одиночку? Кто-то из вас должен отпустить с ним слуг. Если спросят, скажете, что Очир уехал чуть раньше. – Гуюк улыбнулся, забыв о чужой крови на лице. – Еще скажете, что на курултае он обещал поддержать меня, что принес клятву. Раз этот дурак не помог мне живым, пусть хоть мертвым поможет.

Свита зашевелилась, и Гуюк зашагал прочь от них к купальне, в которую мог попасть, не пересекая основной коридор. Без помощи слуг он не мылся уже больше года, но кожа зудела, нестерпимо хотелось смыть чужую кровь. Недавних тревог как не бывало – Гуюк словно на крыльях летел в купальню. Вода ненагретая, но он с детства купался в ледяных реках. Студеная вода стягивала кожу и бодрила, напоминая, что он жив.

Гуюк стоял нагим в цзиньской чугунной ванне с драконами, извивающимися по краю. Он опрокинул на себя деревянное ведро с водой, поэтому не слышал, как отворилась дверь. От сквозняка перехватило дыхание: царевич содрогнулся, пенис его сморщился. Он открыл глаза и подскочил: в купальне стояла мать. Гуюк покосился на кучу грязной одежды: она уже намокла, и по деревянному полу потекли красноватые ручьи.

Гуюк аккуратно опустил ведро. Дорегене – женщина крупная. Казалось, маленькую купальню она занимает целиком.

– Мама, если ты желаешь меня видеть, я быстро домоюсь и оденусь.

Взгляд Дорегене упал на кровавые потеки на полу, Гуюк заметил это и потупился. Затем взял ведро и наполнил его красноватой водой из ванны. У дворца собственная дренажная система. Цзиньские умельцы сделали ее из особых огнестойких плит. Стоит вытащить пробку, и уличающая Гуюка вода тайно от всех смешается с экскрементами и кухонными помоями. Около Каракорума есть канал; в него, по мнению ханского сына, и выходил дренаж. Ну, или в яму какую-нибудь... Подробности Гуюк не знал и знать не хотел.

– Что ты наделал? – воскликнула Дорегене. Мертвенно-бледная, она нагнулась и подняла грязную, мятую рубаху сына.

– То, что должен был сделать, – ответил Гуюк; он замерз и совершенно не желал отвечать на вопросы. – Тебя это не касается. Грязную одежду сожгут. – Поднял ведро, но потом решил: хватит с него материнского внимания. Ополоснулся и вышел из ванны. – Я велел приготовить мне чистую одежду. Она уже должна лежать в зале для собраний. Если ты не намерена весь день стоять здесь и глазеть на меня, может, принесешь мне одежду?

Дорегене не шевельнулась.

– Ты мой сын, Гуюк. Я старалась защитить тебя, окружить союзниками. Сегодня ночью львиная доля моих стараний пошла насмарку, верно? Думаешь, я не знаю, что сюда приглашали Очира? И что никто не видел, как он выходит из дворца? Неужели ты так глуп, Гуюк?

– Так ты за мной следила, – проговорил ее сын. Хотелось казаться самоуверенным и беззаботным, но он дрожал все сильнее.

– Меня касается все происходящее в Каракоруме. Я должна знать о каждом соглашении, каждом споре, каждой ошибке вроде той, что ты сегодня совершил.

Гуюк бросил притворяться: надменное неодобрение матери раздражало невероятно.

– Мама, Очир ни за что не поддержал бы меня. Он для нас небольшая потеря, а его исчезновение может со временем и пользу принести.

– Ты вправду так думаешь? – осведомилась Дорегене. – Считаешь, что ты помог мне? Неужели я вырастила глупца? Его семья и друзья непременно прознают, что Очир пришел к тебе безоружным и исчез.

– Тело не найдут, и они подумают...

– Подумают – и поймут правду, Гуюк! Что тебе нельзя доверять. Что даже для представителей нашего народа статус гостя не гарантирует безопасность. Что ты дикарь, способный убить человека, который пил чай в твоём доме.

Разгневанная Дорегене вышла из купальни. Гуюк едва успел обдумать слова матери, а она уже вернулась, сунула ему сухие вещи и продолжила:

– Два с лишним года я ежедневно обхаживала твоих вероятных союзников. Тех, для кого важно, что ты старший сын хана, поэтому и должен править народом. Гуюк, я подкупала их землей, лошадьми, рабами и золотом. Я грозила раскрыть их секреты, если на курултае

не получу их голоса. Старалась я из уважения к твоему отцу и его деяниям. Народом должны править его потомки, а не дети Сорхахтани, Бату или другие царевицы.

Гуюк быстро оделся, кое-как запахнул дэли поверх рубахи и завязал пояс.

– Ждешь благодарности? – спросил он. – Твои планы и интриги ханом меня еще не сделали. А даже если бы сделали, сам я вряд ли получил бы возможность управлять самостоятельно... Думаешь, я согласен ждать вечно?

– Я не предполагала, что ты убьешь достойного человека в доме своего отца. Сегодня ты не помог мне, сын мой, а ведь я почти у цели. Не знаю, какой вред ты уже причинил, но если убийство откроется...

– Не откроется.

– Если оно откроется, это сыграет на руку другим претендентам. Они скажут, что у тебя не больше прав жить в этом городе и в этом дворце, чем у Бату.

Гуюк зло сжал кулаки.

– Бату, везде Бату! Каждый день слышу это имя... Жаль, его сегодня здесь не было. Я бы убрал этот камень со своей дороги.

– К тебе, Гуюк, Бату безоружным не пришел бы. То, что ты сделал или сказал ему по пути домой, сильно мешает мне передать тебе наследство.

– Ничего я не сделал, и наследство это не мое! – рявкнул Гуюк. – Сколько проблем решилось бы, упомяни меня отец в завещании... Отсюда все наши беды! А он бросил меня драться за него с другими. Мы, как свора голодных псов, за кусок мяса рвем друг другу глотки. Не стань ты регентом, жить бы мне в юрте и с завистью взирать на город своего отца. Ты еще чтить его память. Я же – старший сын хана, а должен хитростью добиваться того, что принадлежит мне по праву... Будь отец наполовину таким, каким ты его считаешь, он позаботился бы об этом при жизни. Ему хватило бы времени включить меня в свои планы...

Дорегене прочла боль в глазах сына и смягчилась, даже гнев отступил. Он сжала его в объятиях, бездумно желая облегчить страдания.

– Отец любил тебя, сын мой, но был одержим своим городом. Смерть давно ходила за ним по пятам. Борьба с ней отняла у него последние силы. Ему наверняка хотелось для тебя сделать больше.

Гуюк прижался щекой к материнскому плечу, отгоняя неприятные мысли. В матери он по-прежнему нуждался. За годы регентства она снискала уважение народа.

– Напрасно я сегодня не сдержался, – пробормотал царевиц, выдавил из себя судорожный вздох, похожий на всхлип, и Дорегене обняла его еще крепче. – Наверное, я слишком сильно хочу стать ханом. Каждый день ловлю на себе их взгляды. Они гадают, когда мы соберем курултай, и улыбаются, предвкушая мое поражение.

Дорегене погладила его влажные волосы.

– Ш-ш-ш! Ты не такой, как они, – проговорила она. – Обычным человеком ты никогда не будешь. Вслед за своим отцом мечтаешь о великом... Я знаю это. Я поклялась сделать тебя ханом, и сделаю это скорее, чем тебе кажется. Мункэ, сын Сорхахтани, уже за тебя. Не напрасно ты связал его клятвой прямо на поле боя. Его братья мать не слушаются. Они – наши основные союзники. На западе Байдур уже принял моих посланников. Уверена, рано или поздно он тебя поддержит. Теперь понимаешь, как близка цель? Пусть Байдур и Бату назовут свою истинную цену, тогда мы и созовем всех на курултай.

Дорегене почувствовала, как напрягся ее сын, услышав ненавистное имя.

– Спокойно, Гуюк! Бату – лишь человек, дарованных ему земель он не покидал. Со временем царевицы, которые стоят за ним, поймут, что Бату нравится править урусскими землями, а на Каракорум он не притязает. Тогда они придут к тебе и попросят вести их. Это, сын мой, я тебе обещаю. Если буду жива, ханом станешь ты, и никто другой.

Гуюк отстранился и сверху вниз взглянул на мать. Та заметила, что глаза у него красные.

– Мама, когда это случится? Вечно я ждать не могу.

– Я снова отправила посланников в лагерь Бату. Пообещала, что ты признаешь имущественные и территориальные права и за ним, и за его потомками – пожизненно.

Гуюк зло ощерился.

– Ничего я не признаю! Мало ли что написано в отцовском завещании! Я должен позволить такому, как Бату, беспрепятственно бродить по моей земле? Есть вдоволь и спокойно разъезжать на белой кобыле? Пусть его ордынцы жиреют и плодятся, пока я веду войны без их помощи? Нет, мама, пусть либо признают мою власть, либо я позабочусь, чтобы их уничтожили.

Дорегене дала сыну пощечину. Удар получился сильный, голова аж в сторону дернулась. На щеке появилось красное пятно. Гуюк оцепенело посмотрел на мать.

– Поэтому я велела тебе не обхаживать принцев самостоятельно, а довериться мне. Прислушайся, Гуюк, внимай рассудком и сердцем, а не только ушами. Вот станешь ханом – получишь и власть, и войско. В тот день твое слово превратится в закон, а обещания, которые я дала от твоего имени, – в пыль, если ты решишь их не исполнять. Теперь ты понимаешь? – Мать и сын были наедине, но шипящий голос Дорегене зазвучал еще тише, чтобы не подслушали. – Да я Бату бессмертие посулила бы, если бы знала, что за ним он явится на курултай. Вот уже два года он шлет в Каракорум отговорки. Отказать мне лично не смеет, зато потчует сказками о том, что ранен или занемог и в путь отправиться не может. А сам глаз с Белого города не спускает. Он умен, Гуюк, не забывай об этом ни на миг. У сыновей Сорхатхани нет и половины его амбиций.

– Мама, ты торгуешься со змеей. Смотри, чтобы не укусила.

– У всего есть своя цена, сын мой, – с улыбкой проговорила Дорегене. – Мне нужно лишь узнать цену Бату.

– Я мог бы тебе подсказать, – пробурчал Гуюк. – Уж я его знаю. Ты же с нами в западном походе не участвовала.

Дорегене тихо зацокала языком.

– Все тебе ведать необязательно. Хватит того, если Бату согласится и приедет на летний круг. Его согласие сулит поддержку стольких царевичей, сколько нужно, чтобы сделать тебя ханом. Теперь понимаешь, что напрасно проявил самостоятельность? Понимаешь, чем рискнул? *Что* жизнь главы одной семьи по сравнению с нашей целью?

– Прости, – отозвался Гуюк, потупившись. – Ты не посвящала меня в свои планы, и я разозлился. Лучше сообщай мне, что задумала. Теперь я понимаю, что к чему, и могу помогать.

Дорегене пригляделась к сыну. Вопреки его слабостям и недостаткам, она любила Гуюка больше власти над городом, больше собственной жизни.

– Доверься матери, – проговорила женщина. – Ты будешь ханом. Обещай, что больше нам не придется жечь окровавленную одежду. Довольно промахов!

– Обещаю, – ответил Гуюк, думая уже о том, *что* изменит, став ханом. Дорегене слишком хорошо его знает, в Каракоруме ее держать рискованно. Он подыщет матери домик вдали от города, где она проживет остаток дней.

Гуюк улыбнулся, и Дорегене обрадовалась, увидев в нем малыша, которым он когда-то был.

Глава 2

Насвистывая, Бату пустил коня рысью по зеленому полю к маленькой юрте на склоне холмов. То и дело он озирался, высматривая шпионов и дозорных. На землю монголов Бату возвратился тайком и знал, что кое-кому его приезд был бы на руку. Родину Чингисхана много лет назад унаследовала по мужу Сорхатани. Она же вернула на открытые равнины тумены² и десятки тысяч семей, которым лишь хотелось жить так, как они жили всегда под сенью гор.

У юрты Субэдэя ничего подозрительного не обнаружилось. Старик отошел от дел тихо и незаметно, отвергнув почести, которые навязывала ему Дорегене. Бату обрадовался, что застал багатура, хотя бывший орлок³ снимался с места нечасто. Стадо у него маленькое, каждые два месяца новое пастбище не требовалось. Вблизи Бату увидел лишь несколько десятков овец и коз. Непривязанные, они спокойно щипали траву. Субэдэй выбрал хорошее место у ложа потока. Когда-то здесь явно был заливной луг; за многие сотни лет он стал идеально гладким и плоским. Солнце ярко сияло. Бату снова восхитился стариком. Тот командовал величайшим из войск, довел более ста тысяч человек до гор Северной Италии. Если бы смерть хана не вернула их домой, Бату не сомневался, что войско расширило бы границы империи от моря до моря. Он поморщился, вспомнив, как когда-то радовался неудаче старика. Было это в пору, когда Бату верил, что молодому поколению по силам избавиться от мелких политических споров и склок, которые портят мир.

Подъезжал Бату медленно, памятуя, что Субэдэй незваных гостей не жалует. Другими они не считались, хотя со времен Большого похода царевич зауважал старика куда больше. Как бы то ни было, он нуждался в совете человека, который уже не борется за власть; человека, которому он мог доверять.

Собачий лай Бату услышал еще издали. У него сердце сжалось, когда из-за юрты вышел огромный черный пес, остановился и поднял голову. «Нохой-хор!» – закричал Бату, уберите, мол, собаку; но ни Субэдэя, ни его жены видно не было. Пес понюхал воздух, повертел головой, увидел всадника на коне, зарычал и понесся по траве. Он вертел головой, показывая безумные глаза и белые зубы. Бату потянулся к луку, но сдержался. Если убить пса Субэдэя, шансов на теплый прием значительно поубавится.

Конь дернулся в сторону, и Бату заорал на пса, пробуя другие команды. Огромная зверюга напирала, поэтому всадник легонько пнул коня, отправив его на большой круг по пастбищу. Пес несся следом, клацал зубами, выл, из пасти валила белая пена. Жертва убегала, и он больше не таился.

Краем глаза Бату заметил, как из юрты вышла женщина. Бедственное положение гостя поразило ее настолько, что она сложилась пополам от хохота. А он только и мог нарезать круги по пастбищу, спасаясь от клацающих зубов.

– Нохой-хор! – снова крикнул Бату.

Женщина расправила плечи и взглянула на него, чуть склонив голову набок. Немного погодя она пожала плечами и, засунув пальцы в рот, дважды свистнула. Пес тотчас припал к траве, но темные глаза неотрывно следили за всадником, посмевающим вторгнуться на его территорию.

– Лежать! – велел Бату псу, стараясь не приближаться к нему; таких здоровенных он отродясь не видел и гадал, где Субэдэй его раздобыл. Затем медленно, без резких движений, спешился, чувствуя пристальное внимание пса, и объявил: – Я ишу орлока Субэдэя.

² Тумен – десять тысяч.

³ Орлок – военачальник, возглавляющий все войско.

За его спиной негромко зарычал пес. Захотелось обернуться. Женщина наблюдала за Бату, пряча улыбку.

– А если он не желает видеть тебя, безымянный? – весело предположила она.

Бату покраснел.

– Субэдэй хорошо меня знает. Мы вместе участвовали в походе на запад. Я Бату, сын Джучи.

Женщина помрачнела, словно слышала это имя не единожды, и заглянула Бату в глаза.

– На твоём месте я не прикасалась бы к луку. Пес горло тебе перегрызет.

– Я приехал не мстить, – сказал Бату. – Я уже давно живу в мире со всеми.

– Хорошо, хоть один из вас так говорит, – отозвалась женщина.

Она глянула ему за спину, и Бату обернулся, почти уверенный, что к нему подбирается пес. Однако увидел он Субэдэя – старик вел коня от соседней рощицы – и подивился нахлынувшим чувствам. В своё время Бату ненавидел орлока, но в те времена он ненавидел многих. Постепенно ненависть сменилась уважением. Бату не копался в своих чувствах, но чувствовал, что во многом Субэдэй ему как отец. Дело было не в каких-то словах. В нынешнем положении Бату радовался уже тому, что багатур жив и более-менее здоров. Казалось, если Субэдэй на его стороне, ничего плохого не случится. Только на его ли стороне? Пока Бату сомневался даже в том, что его здесь примут.

Все это вихрем пронеслось в его голове, пока он смотрел на неспешно вышагивающего Субэдэя. Старик свистнул псу, который тут же вскочил и бросился к нему со щенячьим восторгом. Казалось, он виляет не обрубком хвоста, а всем телом. В одной руке Субэдэй держал вожжи, другой потрепал огромного пса по голове. Он посмотрел на гостя, потом на жену и без тени улыбки спросил:

– Ты чай ему предложила?

– Нет, решила тебя подождать.

– Тем лучше. Тогда езжай, Бату. Мне нечего тебе сказать.

Бату ждал. Но Субэдэй уже закончил разговор и прошёл мимо него, подозвав пса шелкающим звуком.

– Я приехал издалека, ради встречи с тобой, орлок.

– Титулы для меня в прошлом, – бросил через плечо Субэдэй.

– Я приехал не звать тебя обратно, а за советом.

– Прощай! – сказал старик.

Он уже открыл дверь юрты, даже не обернувшись; затем скрылся в полумраке юрты вместе с псом. Обескураженный Бату повернулся к жене орлока, которая с улыбкой смотрела на него. Из детородного возраста она давно вышла, но во взгляде, устремленном на огорченного воина, сквозило что-то материнское.

– Не люблю отправлять гостя ни с чем, – проговорила она. – Хочешь соленого чаю?

Из юрты донеслось недовольное ворчание. Тонкие стены не мешали Субэдэю слышать каждое слово.

– Почту за честь, – ответил Бату.

Чай он пил до самого вечера. Субэдэю его присутствие не слишком мешало. Старик ограничился свирепыми взглядами, в течение нескольких часов молча чиня свой лук, а Бату вел вежливую беседу. Ариуна – так звали жену орлока – оказалась приятной женщиной, а вести, которые привёз гость, потрясли её до глубины души. Даже Субэдэй фыркнул, когда Бату рассказал о землях, отошедших ему по отцовскому завещанию. Одним росчерком пера Угэдэй отдал ему большую урусскую вотчину. Чувствуя пристальное внимание Субэдэя, Бату объяснил Ариуне, что после смерти Чингисхана часть тех земель принадлежала Угэдэю. Старик буквально прожег Бату взглядом, давая понять, что с памятью у него все в

порядке. Царевич не поднял головы, и Субэдэй снова занялся плошками с кипятком, роговыми пластинками и клеем.

На закате старик встал и со стоном потянулся.

– Пойду гляну на скот, – сказал он жене.

Бату безучастно смотрел себе на ноги, но лишь услышав Ариунино «ступай за ним!», с ухмылкой поднялся и вышел. Порой мужчинам не договориться без участия женщины.

Пес, ни на шаг не отстающий от Субэдэя, при виде Бату оскалился, но хозяин велел ему успокоиться. Мужчины проверили, как привязаны животные в небольшом загоне, потом осмотрели козу, которая должна была вот-вот окотиться. Оба по-прежнему молчали, но Бату стало куда уютнее; он уже не чувствовал себя незванным гостем, как в юрте у Субэдэя. В загоне старик держался намного непринужденнее и жестом попросил Бату осмотреть козу. Тот кивнул и нащупал пальцами еще не родившегося козленка.

– Осталось немного, – объявил он. – Коза чувствует себя хорошо.

– Верно, – согласился Субэдэй, выпрямляя спину. – И я тоже. Жизнь тяжела, Бату, но, по крайней мере, может быть простой. Здесь она простая.

С годами он сильно похудел, но его суровое очарование осталось при нем. Где бы ни оказался багатур, за простого пастуха его не принял бы никто. Его глаза видели взлеты и падения империй. Они зрели Чингисхана отроком.

Бату промолчал. Немного спустя Субэдэй вздохнул и взялся за деревянный поручень загона.

– Ну, говори, чего ради проделал такой долгий путь. Предупреждаю: о дрязгах в Каракоруме мне ничего не известно. Шпионов у меня больше нет, если ты на это рассчитываешь.

– Никакого расчета нет. Просто посоветуй, кому можно довериться.

Совсем как чуть раньше Ариуна, Субэдэй пытливо заглянул ему в глаза и заметно успокоился.

– Спрашивай, сынок. Не знаю, понравятся ли тебе мои ответы.

Бату набрал в грудь побольше воздуха.

– Гуюка ты знаешь не хуже остальных. – Субэдэй молчал, и Бату продолжил: – Тебе ведь известно, что нового хана до сих пор не выбрали.

Старик кивнул.

– Об этом слышал. Чай, не в пустыне живу.

– Ханом станет либо Гуюк, либо Мункэ, либо Байдур... либо я. Претендентов всего четверо, а Мункэ связал себя клятвой много лет назад, когда услышал о смерти Угэдэя. Он поддержит Гуюка.

Субэдэй поскреб щеку.

– Значит, все решено. Присоединись к Мункэ и Гуюку. Байдур, как услышит об этом, тоже подтянется. Гуюк будет ханом, а меня оставят в покое.

– Ты так и поступил бы? – серьезно спросил Бату.

Смешок багатура получился резким и неприятным.

– Я? Отнюдь. Но я не ты; свои решения я давно принял, правильные они или нет.

– Тогда зачем советуешь мне поддержать Гуюка? Что бы ты сделал на моем месте?

Вместо ответа Субэдэй уставился на темнеющие поля, на ручей, на далекие холмы. Бату ждал.

– Я не на твоем месте, – наконец проговорил старик. – И не знаю, чего ты ищешь. Если выгоды, то тяни подольше, а решение принимай в момент, когда дары Гуюка сменятся угрозами. Защити свои земли, и, возможно, успеешь им порадоваться.

– А если выгода меня не интересует? – обиженно спросил Бату. – Если я считаю, что Гуюк не должен править нашим народом?

– Тогда помочь мне тебе нечем. Встанешь на пути у Гуюка – он наверняка тебя уничтожит. – Старик хотел что-то добавить, но закрыл рот.

– В чем дело? Субэдэй, ты говоришь загадками. Твердишь, что на моем месте не поддержал бы Гуюка, но если я не поддержу его, меня уничтожат. Что это за положение?

– Положение простое, – улыбнулся Субэдэй и в первый раз открыто посмотрел на Бату. – Ты явился сюда не за ответами. Все, что нужно, сам знаешь. Тебя волнует, кто делит с Гуюком ложе. Может, его дружки злят тебя или вызывают твою зависть? – Багатур засмеялся.

– По мне, так пусть хоть сдохлыми козами ложе делит, – с отвращением заявил Бату. – Главное, человек он ничтожный, даже мечтать не умеет. У Гуюка одна только хитрость, а властителю народа нужен ум. Только не говори, что он будет хорошим ханом.

– Он будет ужасным ханом, – ответил Субэдэй. – При Гуюке народ зачихнет или разбежится. Но если не ты, кто выступит против него? В любом случае уже слишком поздно. Ты уже едешь на курултай; там принесешь клятву Гуюку, и он станет ханом.

Бату удивленно захлопал глазами. Его воины остались в долине в дне с лишним езды отсюда. Субэдэй мог об этом знать, только если соврал, что у него больше нет дозорных. Небось старики приезжают к нему пить чай и потчуют орлока новостями.

– Для простого пастуха ты многовато знаешь.

– Люди всякое болтают – как ты, например. Болтают, словно нет других занятий. Ты хотел сказать, что поступаешь правильно? Может, и так. А теперь оставь меня в покое.

Бату подавил раздражение.

– Я приехал спросить, как поступил бы Чингисхан. Ты ведь его знал.

Субэдэй ухмыльнулся, оскалившись. Двух боковых зубов не хватало, их отсутствие выдавала запавшая щека. Кожа так обтягивала кости, что нетрудно было определить форму черепа.

– Твой дед не знал компромиссов. Понимаешь, что это значит? Многие твердят: я верю в это, а я – в это. Но не отступят ли они от веры, если жизнь их детей будет в опасности? Отступят. А Чингис не отступил бы. Враги угрожали перебить его детей, а он в ответ: давайте, но учтите, что цена за это будет неимоверной. Спалю города, истреблю целые народы – и все мне будет мало. Сам подумай и скажи: поддержал бы он такого хана, как Гуюк?

– Нет, – буркнул Бату.

– Ни за что и никогда, сынок. Гуюк – ведомый, а не вождь. Одно время он даже за тобой по пятам ходил. Для плотника или для мастера, который делает плиты для крыш, это не слабость. Сплошные вожжаки – тоже плохо, они стаю на части разорвут. – Субэдэй почесал пса за ухом; тот заурчал и облизал ему руку. – Верно, Тэмуджин? Не всем же быть такими, как ты!

Продолжая урчать, пес лег на живот и вытянул передние лапы.

– Ты назвал пса в честь Чингисхана? – изумился Бату.

– А что? – хмыкнул Субэдэй. – Мне понравилось. – Он снова поднял голову. – Человек вроде Гуюка никогда не изменится. Он не может однажды решить, что поведет за собой народ, и рассчитывать при этом на успех. Лидерство в нем не заложено.

Бату положил руки на деревянную балку. Пока они разговаривали, начало садиться солнце, вокруг переплетались сгущающиеся тени.

– Но если я дам Гуюку отпор, меня уничтожат, – тихо проговорил он.

Субэдэй лишь плечами пожал.

– Возможно. Наверняка не скажешь. Твой отец Джучи не побоялся отделиться от народа. Он не признавал компромиссов. Словом, того же поля ягода.

– Ничего путного у него не вышло.

Бату глянул на старика, но во мраке черты Субэдэя едва просматривались.

– Ты слишком молод, чтобы понять, – заявил багатур.

– А ты попробуй объяснить, – отозвался Бату, чувствуя пристальный взгляд старика.

– Сынок, людям всегда страшно. Может, ты проживешь долгую жизнь и поймешь это. Порой мне кажется, что я живу слишком долго. Мы все умрем. Умрет моя жена, я, ты, Гуюк – все, кто тебе встречался. Люди пройдут по нашим могилам, не ведая, смеялись ли мы, любили или ненавидели друг друга. Думаешь, их заинтересует, как мы жили? Нет, их будет интересовать лишь суeta своей собственной короткой жизни.

– Не понимаю, – с досадой признался Бату.

– Это потому, что ты слишком молод, – пожал плечами Субэдэй и тихо вздохнул. – В этой долине могут лежать кости, останки мужчин и женщин, некогда считавших себя важными особами. Мы о них думаем? Разделяем их мечты и страхи? Конечно, нет. Для живущих они ничто, мы даже имен их не знаем. Одно время я хотел, чтобы меня помнили, чтобы через тысячу лет люди говорили обо мне. Сейчас же мне все равно, ведь от меня останутся только пыль и дух. Может, одна пыль, но я надеюсь, что и дух. С возрастом поймешь: важно одно и только одно – то, что ты жил по совести и чести. Без совести и чести быстрее не умрешь, но станешь ничтожнее пыли на сапогах. Пылью ты станешь в любом случае, но зачем короткую жизнь проживать впустую? У твоего отца ничего не получилось, но он был сильным и искал лучшей доли для своего народа. Он жил не впустую. О большем и мечтать не приходится. – Долгая речь утомила старика. Он откашлялся и плюнул на землю. – Жизнь коротка, Бату. Эти горы будут стоять здесь и после меня, и после тебя.

– Я ведь даже не знал отца, – тихо проговорил Бату после длинной паузы. – Мы с ним никогда не встречались.

– А мы встречались, и я очень об этом сожалею, – сказал Субэдэй. – Так я понял, что такое честь. Ее ценишь лишь когда теряешь, когда становится слишком поздно.

– Ты человек чести, Субэдэй, если я хоть немного в этом разбираюсь.

– Когда-то это так и было, но мне следовало послушаться приказа твоего деда. Убить его родного сына... Полное безумие, но я был молод и преклонялся перед ним. Надо было развернуться и ехать прочь, а не разыскивать Джучи на урусских равнинах. Тебе не понять. Ты когда-нибудь убивал?

– Знаешь ведь, что убивал!

– Не на войне, а так, чтобы в глаза жертве смотреть?

Бату медленно кивнул. Субэдэй хмыкнул: кивок он едва увидел.

– Ты сделал правильно? Не зря отнял годы, которые мог прожить убитый?

– В тот момент думал, что не зря, – неуверенно ответил Бату.

– Ты слишком молод. Когда-то я тоже верил, что сумею обратить свои ошибки во благо. Что моя вина возвысит меня над остальными. В цвете лет я верил, что ошибки меня научат. Как бы то ни было, Бату, ошибку не сотрешь и не исправишь. Грех не искупить. Слышал это слово? Так христиане называют черное пятно на душе. По-моему, очень точно.

– Они же твердят, что то пятно стирается исповедью.

– Неправда! Что за человек стирает ошибки разговорами? С ошибками нужно жить. Наверное, это и есть наказание, – Субэдэй усмехнулся, словно вспомнив что-то давнее. – Твой дед забывал неудачные дни, словно их не было. Я очень завидовал его умению. Порой и сейчас завидую. – Субэдэй перехватил взгляд Бату и вздохнул. – Выполняй обещания, сынок. Ничего другого я тебе не скажу.

Тут старик вздрогнул, будто от сквозняка.

– Чингисхан, если это ты, то мне все равно, – пробормотал он так тихо, что Бату едва расслышал. – Твой внук сам о себе позаботится. – Затем Субэдэй поплотнее запахнулся в дэли. – К своим тебе возвращаться уже поздно, – чуть громче сказал он. – Оставайся, у тебя здесь права гостя, а утром позавтракаешь – и в путь. Пойдем?

Взошла луна, и Субэдэй, не дожидаясь ответа, побрел к юрте. Бату радовался, что приехал сюда, и почти решил, как быть дальше.

* * *

Ям среди пустоши – зрелище удивительное. В трехстах милях к северу от Каракорума он служил одной-единственной цели – помогать гонцам, странствующим на восток до империи Цзинь, на запад до Руси и на юг до Кабула. Снедь и утварь привозили на подводах теми же дорогами. Когда-то здесь стояла юрта с парой свежих лошадей, а сейчас Бату смотрел на строение из серого камня с красной черепичной крышей. К нему жались юрты – вероятно, для семей ямщиков и нескольких покалеченных воинов, которые здесь осели. Бату лениво подумал, что когда-нибудь тут появится деревня. Ямщики, в отличие от их предков, за теплом следовать не могут.

По пути из своих новых земель Бату держался подальше от ямов. Приметят его тумен – и помчится гонец к следующему яму. На пересеченной местности ямщиков не обогнать, и вести о перемещении Бату попадут в Каракорум задолго до него самого. Отправляя свое послание, свою свиту он оставил в лесу среди сосен и берез – там их не увидят, – а сам поехал дальше с двумя дозорными. На склоне холма он привязал коня и выслал дозорных вперед.

Теперь Бату лежал на животе, нежился в лучах солнца и наблюдал за своими дозорными. Над ямом курился дымок; издали были видны фигурки лошадей, щиплющих траву. Едва дозорные вошли в ям, Бату перевернулся на спину и уставился в небо.

Одно время он сам хотел быть ханом. Появись шанс в ту пору, рискнул бы без долгих раздумий. Тогда жизнь была проще: они с Субэдеем продвигались на запад. Смерть Угэдэя не просто остановила Большой поход. Хан старался вытащить Бату из бедности, жаловал ему повышение за повышением, пока не доверил командовать отрядом из десяти тысяч воинов. Пожалуй, не следовало удивляться, что Угэдэй упомянул его в завещании, но Бату удивился: он не ждал ничего. Объезжая свои новые земли, царевич нашел следы монгольского лагеря – обваливающиеся юрты, грубые деревянные строения. Он обыскал их все и в одной нашел гнилое седло с клеймом отцовских туменов. Угэдэй даровал ему те земли, куда Джучи бежал от Чингисхана. Тогда Бату прижимал к себе седло и рыдал об отце, которого не знал. С тех пор в нем что-то изменилось. Сейчас он смотрел в безоблачное небо и спрашивал себя: «Где честолюбивые желания? Где амбиции?» Ни того, ни другого Бату не чувствовал. Не быть ему ханом. Пусть народом правит достойнейший.

Он провел ладонью по земле и вырвал пучок травы с корнем. Греясь на мирном ласковом солнце, размял землю: теперь ветерок ее развевает.

Высоко в небе кружил ястреб: вероятно, его заинтересовал человек, неподвижно лежащий в траве. Бату поднял руку; он знал, что даже с головокружительной высоты птице видна любая деталь.

К возвращению дозорных солнце уже поменяло свое положение на небе. Вышколенные, они сделали вид, что не заметили Бату, и пока были видны с яма, поднимались по склону. Он двинулся следом, то и дело оглядываясь. Спрашивать, передано ли послание, не имело резону. Ямы славятся своей эффективностью. Гонец наверняка уже скакал к следующему яму, милях в двадцати пяти от Каракорума. Через три дня его запечатанное послание попадет в руки Дорегене.

Бату шагал по высокой зеленой траве, глубоко задумавшись. Неудачный курултай опозорит Гуюка. Одновременно с первым, другое послание получит Байдур, и если воспользуется обещанием поддержки, очень многое изменится. Байдур станет лучшим ханом, чем Гуюк, в этом Бату не сомневался. На миг ему послышался шепот: какой-то старец уверял, что из него самого выйдет хороший хан. Бату решительно покачал головой, отгоняя нава-

ждение. Его отец хотел идти своей дорогой, прочь от ханов, прочь от стад. Разговор с Субэдем помог иначе взглянуть на время: десятилетия, даже целые века Бату увидел глазами старика. Не потерять бы это ощущение!

Он попробовал представить себе все возможные варианты будущего, потом бросил. Все просчитать невозможно. Неужели его конь скачет по костям мертвецов? Бату содрогнулся даже под теплыми солнечными лучами.

Глава 3

Давно Каракорум не видывал таких сборищ. Насколько хватал взгляд, землю покрывали юрты и лошади. Целые семьи приехали увидеть, как новый хан приносит клятву. Байдур привел с запада два тумена, двадцать тысяч воинов, которые разбили лагерь у реки Орхон и теперь охраняли его. Рядом устроили лагерь четверо сыновей Сорхахтани, приведшие тридцать тысяч семей. Гости заняли всю равнину; прибывшие позднее, не найдя лучшего места, ставили юрты на холмах.

При таком сборище тишина невозможна. По городу перемещались огромные стада блеющих овец, коз, верблюдов и яков: каждое утро их гнали на пастбища, где хватало травы и воды. Несколько недель новых порядков превратили берега реки в коричневую грязь. Уже случались и драки, и даже убийства. Как собрать в одном месте столько людей и чтобы никто за меч не схватился? Тем не менее дни пролетали сравнительно спокойно; люди ждали, понимая, что для многих путь выдался неблизкий. Высокие гости ехали из Корё, что на востоке цзиньской территории, другие спешили в Каракорум из новых поселений в Персии. От начала до конца курултай занимал три месяца. До дня принесения клятвы народ был готов питаться тем, что посылают из города.

Дорегене не помнила, когда спала в последний раз. Вчера урвала пару часов... или это было позавчера? Мысли текли вяло, все суставы болели. Женщина понимала: нужно поспать, и чем скорее, тем лучше, не то толку от нее не будет. Порой она держалась на голом возбуждении. На организацию курултая ушли годы работы, и сейчас дел было невпроворот. Провизии заготовлено много, но чтобы накормить гостей, требовалась целая армия слуг. Зерно и сушеное мясо выдавалось каждому царевичу, главе каждой семьи, коих набралось больше четырехсот.

Дорегене вытерла лоб ладонью и нежно глянула на Гуюка, который стоял у открытого окна. Городские стены стали выше, чем прежде, но царевич видел целое море юрт, тянувшихся за горизонт.

– Их так *много*, – пробормотал он про себя.

Дорегене кивнула.

– Почти все прибыли. Ждем только Чулгетая, ему ведь дольше всех добираться. И Бату наверняка вот-вот объявится. Сюда спешат еще десяток менее значимых личностей, сын мой. Я выслала гонцов, чтобы поторопили их.

– Порой я не верил, что все получится, – проговорил Гуюк. – Напрасно я в тебе сомневался.

Дорегене улыбнулась нежно и снисходительно.

– Зато ты научился терпению. Для хана это ценное качество.

У нее закружилась голова. Она вспомнила, что не ела целый день, и отправила слуг за снедью.

– Главное – Байдур, – проговорил Гуюк. – Уверен, своим присутствием он и расположил к себе Бату. Скажешь теперь, что посулила моим любимым двоюродным братцам?

Дорегене на миг задумалась и кивнула.

– Когда станешь ханом, должен будешь знать все, – сказала она. – Я посулила Байдуру десять тысяч слитков серебра.

Гуюк изумленно вытаращился на нее. Столько серебра добывают на всех известных им приисках, и, возможно, не за один год.

– А мне ты что-нибудь оставила? – осведомился он.

– Какая разница? – пожала плечами Дорегене. – Серебро на приисках не кончится. Какой резон держать слитки в тайниках под дворцом?

– Но десять тысяч слитков... Я не знал, что на свете столько есть!

– Когда Байдур станет приносить клятву, будь вежлив, – с усталой улыбкой проговорила Дорегене. – Он богаче тебя.

– А как же Бату? Раз тайники опустеют, что он пожелает в обмен на свою драгоценную клятву?

Регентша прочла усмешку в лице сына и нахмурилась.

– С ним ты тоже станешь держаться достойно. По твоим глазам, сынок, он не должен прочесть ничего. Хан не показывает людишкам, что они ничего для него не значат.

Гуюк не сводил с нее взгляд, и Дорегене вздохнула.

– Мы обменивались письмами через ямщиков. Я сообщила, что Байдур обещал дать тебе клятву, и Бату не смог отказать. Представь, я ничего ему не должна. Я лишь сберегла его гордость.

– Гордости у него предостаточно, только это неважно. С удовольствием унижу его перед всем народом.

Разом потеряв терпение, Дорегене воздела глаза к потолку. Ну сколько раз ей нужно объяснять, чтобы сын понял?

– Если так поступишь, получишь в подданные врага. – Дорегене положила руку сыну на плечо, не позволяя отвернуться. – Ты должен понимать это, если не думаешь, что я правила Каракорумом, полагаясь на одну удачу. Когда станешь ханом, обязательно будешь привечать тех, за кем сила. Если сломишь Бату и оставишь его в живых, он будет ненавидеть тебя до самой смерти. Если унизишь его, он не упустит шанса отомстить.

– Чингисхана такая политика не интересовала, – заявил Гуюк.

– Зато она интересовала твоего отца. Он куда лучше Чингисхана понимал, как управлять народом. Чингис только и умел, что завоевывать. Сформировавшаяся империя при нем покоя не знала бы. А при мне знает. Не отмахивайся от моих советов, Гуюк.

Сын удивленно на нее взглянул. Дорегене правила народом уже более пяти лет, с тех пор как умер Угэдэй-хан. Из них два года она фактически прожила одна с Сорхатани: войско было далеко на чужбине. О ее трудностях Гуюк прежде едва задумывался.

– Я не отмахиваюсь, – проговорил он. – Думаю, ты снова обещала, что я признаю право Бату на дарованные ему земли. Или ты предложила ему стать орлоком моего войска?

– И то, и другое. Второе предложение Бату отверг. Сынок, он не из тщеславных, и это очень нам на руку. В трусости дело или в слабости – неважно. Как принесет клятву, отправишь его домой с богатыми дарами. Больше мы о нем не услышим.

– Боюсь я только его, – сказал Гуюк, точно самому себе. В кои веки он не лукавил, и мать стиснула ему плечо.

– Бату – прямой наследник Чингисхана, старший сын его старшего сына. Ты не зря его боишься, но больше бояться не надо. Вот соберутся все, ты созовешь царевичей и полководцев, в том числе и Бату, к себе в шатер на равнине. Ты примешь их клятвы, а в следующие недели по одному объедешь лагерь – пусть преклоняют пред тобою колени. Так тебя увидят полмиллиона человек – в городе столько не собрать. Вот как я тебе помогла, сын мой. Вот что ты заслужил своим терпением.

* * *

Сорхатани осторожно спешила вслед за своим первенцем, Мункэ. Тот протянул руку, чтобы помочь ей, и она улыбнулась. Как хорошо, что они снова в Каракоруме! Центр власти далеко от ее родного Алтая, но это не значит, что она не следила за мудреными политическими играми Дорегене и Гуюка. Сорхатани глянула на своего старшего и пожалела, что он поспешил с обещанием, только это теперь дело прошлое. На глазах Мункэ его отец,

Тулуй, сдержал слово даже перед лицом смертельной опасности. Разве теперь его сын станет клятвопреступником? Нет, это не по нему. Спешился он с достоинством; настоящий монгольский воин буквально во всем, даже во внешности – лицо круглое, плечи широкие. Носил Мункэ самые простые доспехи и слыл ярым ненавистником цзиньских изысков. «Не видать нам сегодня яств», – с досадой подумала Сорхахтани. Мункэ ратовал за скромность, видя в ней непонятное благородство. По горькой иронии, многие возжелали бы именно такого хана, особенно старые военачальники. Иные шептали, что Гуюк ведет себя не по-мужски, мол, в отцовском дворце он превратился в женщину. Иные возмущались, что по примеру отца царевич окружил себя надушенными цзиньскими учеными с их мудреными письменами. По первому зову Мункэ добрая половина монголов встала бы под его туги,⁴ прежде чем Гуюк почуял бы опасность. Только слово Мункэ словно на камне высечено; дал он его давно и на эту тему даже говорить с матерью отказывается.

Сорхахтани услышала радостные крики и раскрыла объятия: навстречу ей ехали другие ее сыновья. Первым подоспел Хубилай, соскочил с коня, обнял мать и закружил ее. Странно видеть сыновей взрослыми, хотя Хулагу и Арик-бокэ еще очень молоды.

От Хубилая тонко пахло яблоками. Вот он опустил мать наземь, чтобы обняла других сыновей. Тонкий запах – еще один признак влияния цзиньской культуры, еще одно отличие от Мункэ. Хубилай высокий и худощавый, хотя с тех пор, как Сорхахтани видела его в последний раз, сильно раздался в плечах. Волосы он убирал на цзиньский манер: гладко зачесывал назад и заплетал в тугую косу, которая раскачивалась в такт его движениям, словно хвост злого кота. Оделся он в простой дэли; тем не менее, глядя на Хубилая и Мункэ, никто не принял бы их за братьев.

Сорхахтани отступила на шаг, любуясь четырьмя молодыми мужчинами, каждого из которых любила по-своему. Она заметила, что Хубилай кивнул Мункэ, а тот едва ответил на кивок. Мункэ не одобрял манер брата, хотя, наверное, у братьев-погодков такое не редкость. Хубилая возмущало, что Мункэ на правах старшего командует остальными. Сорхахтани вздохнула: хорошего настроения как не бывало.

– Мама, юрта для тебя готова, – объявил Мункэ, протягивая руку, чтобы отвести ее.

– Чуть позднее, сынок. Я долго ехала сюда, но ничуть не устала, – с улыбкой проговорила Сорхахтани. – Расскажите, как дела в лагерях.

Мункэ задумался, тщательно подбирая слова, и паузой воспользовался Хубилай.

– Байдур весь какой-то скованный. И чопорный. Поговаривают, что он даст клятву Гуюку. Большинство царевичей помалкивают о своих намерениях, но, по-моему, Дорегене с сыном своего добьются. Вот приедет Бату, и у нас будет новый хан.

Мункэ свирепо глянул на брата, посмеявшегося заговорить первым, но тот ничуть не смутился.

– А ты, Хубилай, Гуюку поклянешься? – спросила мать.

– Поступлю так, как ты велела, мама. – Тот раздраженно поджал губы. – Не потому, что считаю это правильным, а потому, что не хочу противостоять ему в одиночку. Я сделаю так, как ты хочешь.

– Непременно, – коротко проговорила Сорхахтани напряженным голосом. – Хан никогда не забудет, кто выступил за него, а кто – против. Твой брат уже присягнул ему. Если Гуюку поклонятся Бату и Байдур, я сама дам ему клятву, как властительница земель твоего отца. В одиночку протестовать нельзя. Это... опасно. Если то, что ты говоришь, правда, то, наверное, серьезного противостояния не получится. Народ объединит отсутствие выбора.

– Напрасно Мункэ поклялся ему во время Большого похода, – заявил Хубилай, посмотрев на старшего брата. – Это была первая капля, с которой начался ливень. – Он перехва-

⁴ Туг – родовое знамя у монголов.

тил недовольный взгляд Мункэ. – Ладно тебе, братец! Не верю, что ты доволен Гуюком! Ты поспешил, поклялся ему, едва услышав о смерти старого хана. Мы все это понимаем. Скажи честно: будь у тебя руки развязаны, ты выбрал бы Гуюка?

– Он сын хана, – ответил Мункэ и резко отвернулся, точно разговор закончился.

– Хана, который даже не упомянул сына в завещании, – мгновенно парировал Хубилай. – По-моему, это само по себе примечательно. Мункэ, сегодня мы здесь по твоей милости. Ты дал клятву опрометчиво, когда мы знать ничего не знали. По твоей милости Гуюк сразу получил преимущество. Надеюсь, ты доволен. Все, что натворит Гуюк-хан, будет на твоей совести.

Мункэ пытался сохранить достоинство и решал, стоит ли сейчас ввязываться в спор. Хубилаю всегда удавалось его распалить.

– Братец, если бы тебе доводилось командовать войском в настоящей битве, ты понимал бы важность званий и чинов. Гуюк – старший сын Угэдэя. Он наследник ханского престола, мне это ясно и без твоих цзиньских свитков.

Затронули болезненную тему, и Мункэ, не удержавшись, выпустил шипы. Пока он сражался бок о бок с Субэдэем, Бату, Гуюком и остальными, Хубилай изучал в городе дипломатию и языки. Братья были очень разными, и Мункэ презирал знания своего брата.

– А отец Гуюка тоже был старшим сыном, раз уж это так важно? – поинтересовался Хубилай. – Нет, Мункэ, он был третьим по очереди. Ты решил поклясться человеку, которого мы трое не признаем. Это потому, что ты старший? Думаешь, это превращает тебя в нашего отца?

– Да, если понадобится, – ответил Мункэ, вспыхнув. – Когда наш отец расстался с жизнью, тебя рядом не было.

– Наш отец велел тебе возглавить нашу маленькую семью, да, Мункэ? Разве он сказал: «Приструни своих братьев, сын мой»? Прежде ты об этом не упоминал.

– Он отдал мне других своих жен, – холодно ответил Мункэ. – Разве не ясно, что...

– Нет, идиот, не ясно! – рявкнул Хубилай. – Не все на свете так примитивно, как ты сам.

Мункэ потянулся к мечу, висевшему на поясе, и брат замер, вызываясь на него глядя. Мальчишками они дрались тысячи раз, но годы сильно изменили обоих. Если бы снова дошло до обмена ударами, остались бы не только синяки.

– Прекратите немедленно! – потребовала Сорхахтани. – Решили драться на глазах у всего народа? Решили опозорить своего отца и свою семью? Угломонитесь, оба!

На миг воцарилась тишина, потом Мункэ бросился к Хубилаю, подняв руку, чтобы сбить его с ног. Тот примерился и со всей силы пнул старшего брата в промежность. Это место доспехи не закрывают, и Мункэ беззвучно рухнул наземь. Воцарилась тишина. Разгневанная Сорхахтани повернулась к Хубилаю: у того глаза округлились. Мункэ заворчал и стал подниматься. Боль была неимоверная, гнев – еще сильнее. Ноги дрожали, но Мункэ резко выпрямился и шагнул к брату, стиснув рукоять меча. Хубилай нервно сглотнул.

Сорхахтани встала между ними, голыми руками упершись в доспехи на груди Мункэ. Он чуть не отпихнул ее. Огромная ручища стиснула ворот Сорхахтани, но оттолкнуть женщину не смогла. Налитые кровью глаза Мункэ отчаянно слезились. Тяжело дыша, он зыркнул поверх материнской головы на Хубилая.

– Я сказала: «Прекратите!» – тихо напомнила Сорхахтани. – Ты собьешь меня с ног, чтобы протиснуться к брату? Ты больше не слушаешь свою мать?

Мункэ переводил взгляд с матери на Хубилая, который приготовился обороняться. Старший презрительно скривился, узнав китайскую боевую стойку, которой учил мальчиков советник прежнего хана. Сорхахтани коснулась щеки Мункэ, требуя внимания, и тот отпустил ее.

– Нет, Мункэ, ты драться не будешь. Вы оба мои сыновья. Какой пример вы подаете Хулагу и Арик-бокэ? Они же смотрят на вас!

Взгляд Мункэ скользнул к младшим братьям: те стояли разинув рты. Он снова заворчал, но взял себя в руки и произнес:

– Гуюк будет ханом. – Голос его стал хриплым, но не сорвался. – Его отец правил достойно, а мать не дала народу распасться. Никому другому это не удалось. Ты дурак, Хубилай, если хочешь другого правителя.

Тот не ответил. Старший брат силен, как разъяренный бык. Зачем распалять его? Хубилай пожал плечами и ушел прочь. Когда он скрылся из вида, Мункэ ссутулился и едва не упал. Он пытался стоять прямо, но волны боли катились от промежности к животу, вызывая тошноту. Если бы не мать, он по-детски согнулся бы пополам.

– Порой я отчаиваюсь, – грустно проговорила Сорхатани. – По-твоему, я буду жить вечно? Наступит день, когда у тебя останутся только братья. Лишь им ты сможешь безоговорочно доверять.

– Хубилай одевается и ведет себя как цзиньская шляха, – изрыгнул Мункэ. – Разве я могу доверять такому?

– Хубилай – твой брат, твоя кровь. Твой отец живет в нем так же, как в тебе, Мункэ.

– Он не упускает возможности меня поддразнить. Я не идиот, мама, хоть и не обучен двадцати семи шагам бессмысленных цзиньских ритуалов.

– Разумеется, ты не идиот! Просто вы слишком хорошо знаете друг друга и можете сделать больно. Сегодня вечером вы вместе поедите и разделите чашу айрага. Ради своей матери вы снова станете друзьями.

Мункэ поморщился, но не ответил, и Сорхатани продолжила:

– Больно смотреть, что мои сыновья злятся друг на друга. Получается, я никудышная мать. Помиришься с братом, Мункэ, если хоть немного меня любишь.

– Конечно, люблю. – Он прекрасно понимал, что мать им манипулирует, но все равно сдался. – Ладно, только скажи ему...

– Никаких угроз, Мункэ, никакого обмана! Если любишь меня, просто помирись с братом. Через несколько дней или недель ты получишь угодного тебе хана, а Хубилаю останется смириться. Будь великодушным победителем.

Мункэ обдумал ее слова и заметно смягчился. Он умел быть великодушным.

– Брат винит меня в успехе Гуюка, – пробормотал он.

– А другие похвалят. Гуюк, когда станет ханом, наверняка вознаградит тебя за то, что ты первым встал под его туг.

Мункэ улыбнулся, чуть заметно поморщившись: боль в промежности сменилась тупым нытьем.

– Хорошо, мама. Ты, как всегда, добила своего.

– Отлично. А теперь покажи мне юрту. Я все-таки устала.

* * *

Ямщик был весь в пыли. Он следовал за слугой по коридорам и чувствовал ее вес в каждой складке одежды, в каждом шве и даже на коже. Они свернули за угол, и ямщик споткнулся: усталость съела последние силы. Он скакал целый день, вот поясница и ныла. Гонец гадал, не позволят ли ему вымыться в дворцовой купальне. Он мечтал о горячей воде и молодых служанках, вытирающих его насухо. Только мечты мечтами и останутся. Ямщики вхожи везде. Скажет, что у него личное послание для хана, и его пропустят к нему даже в разгар битвы. А вот мыться наверняка придется в реке. Потом он разобьет лагерь и разведет костерок. Сунет руки в широкие рукава дэли, ляжет на спину и будет смотреть на звезды.

Другие гонцы пугали, что лет через двадцать в сырую погоду начнут ныть суставы. Ямщик надеялся, что с ним такое не случится. Он ведь здоров как бык и очень молод, вся жизнь впереди. Пока странствовал, он немало повидал и понял, что нужно людям. Через пару лет он накопит достаточно, чтобы купить груз и отправить караван в Бухару. И суставы мучить не понадобится: зарабатывать он будет иначе.

Ямщик глянул на сводчатый потолок и содрогнулся. Дворцом владеть он не мечтал. Хватит дома в городе, жены, чтобы еду готовила, пары детишек и добрых коней, чтобы сыновья научились ездить верхом и стали ямщиками. Чем плоха такая жизнь?

Слуга остановился у сверкающих медных дверей. Караулили их два дневных стражника из отряда старого хана, бесстрастные, похожие в черно-красных доспехах на пестрых жуков.⁵

– Послание для регента, – объявил слуга.

Один из кешиктеров изменил своей абсолютной неподвижности и уставился на молодого ямщика, от которого разило лошадьми и затхлым потом. Наскоро обыскав ямщика, стражники забрали огниво и маленький нож. Хотели забрать и бумаги, но он вырвал их, негромко выругавшись. Послание не для глаз охраны.

– Все свое я заберу, когда выйду, – предупредил он.

Стражник лишь глянул на ямщика, убирая подальше его вещи, а слуга постучался и распахнул дверь так, чтобы свет залил мрачный коридор.

За дверями скрывались комнаты, одна внутри другой. В Каракоруме ямщик уже бывал, но так далеко – ни разу. Каждую из комнат караулили стражники, один из которых поднимался, чтобы провести его дальше. Вскоре ямщик увидел дородную женщину, окруженную советниками и писцами, записывающими каждое ее слово. Женщина глянула на вошедшего гонца, и тот, оставив стражников позади, отвесил глубокий поклон. Поразительно, но он узнал некоторых присутствующих, ямщиков, как и он сам. Поймав его взгляд, они коротко ему кивнули.

Слуга потянулся, чтобы взять бумаги.

– Послание я отдам регенту лично в руки.

Слуга поджал губы, точно проглотив что-то горькое, но отступил. Остановить ямщика не смел никто.

Дорегене вернулась к прерванной беседе, но, услышав ямщика, осеклась и взяла у него пакет, совсем тонкий, обтянутый кожей. Быстро развязала его и вытащила один-единственный листок. Ямщик следил за ее взглядом, бегающим туда-сюда. Ему бы уже уйти, но любопытство не давало. Вот он, горький удел ямщиков, – приносишь интересные вести, а сам их знать не знаешь.

Дорегене побледнела как полотно, подняла голову и недовольно глянула на юношу, который стоял, словно в надежде услышать новости.

– На сегодня хватит, – объявила она свите. – Оставьте меня и вызовите сюда моего сына. Если понадобится, разбудите его.

Затем постучала пальцами одной руки по другой и смяла послание.

⁵ Речь идет о кешиктенах – ханской охране, заведенной еще Чингисханом. Стража кешиктеров делилась на дневную и ночную.

Глава 4

В ночном небе ни облачка, луна озаряла огромное сборище перед Каракорумом. В юртах уже шептались, переговаривались, сплетничали; негромкие голоса напоминали шелест ветра. Городские ворота распахнулись, и скрытый мраком отряд всадников быстро поскакал по западной дороге. В руках всадники держали факелы, поэтому и ехали в островке мерцающего света, в котором мелькали тысячи любопытных лиц и грязных юрт. В центре отряда скакал Гуюк, облаченный в богатые доспехи – эдакий сияющий багатур. На поясе у него висел меч с рукоятью в виде волчьей головы. Еще удивительнее для зевак было видеть рядом с ним Дорегене. Она сидела в седле как мужчина – спина прямая, длинные волосы собраны в толстый хвост. Высвеченный факелами отряд галопом проскакал мимо, прежде чем Дорегене дала стражникам знак. Всадники свернули с основной дороги и поскакали по травянистой равнине меж юрт. По ночам верхом ездить опасно. Овцы в панике разбежались, не одну bleющую тварь всадники сбили с ног или раздавили. По равнине растекались крики и огоньки факелов – все больше гостей вставали с походных постелей и брались за мечи.

Гуюк свистнул, жестом показав на тенистый участок, над которым развевались туги Сорхактани и ее сыновей. Три ночных стражника развернули коней и поскакали в том направлении. Остальные следовали дальше – петляли меж юрт и людей по тропкам, которые начисто исключали задуманный им маневр. На равнине среди юрт прямых дорог нет. Гуюк старательно высматривал нужные ему туги. Вообще-то он знал, кто где стоит, только разве во мраке разберешь?

Всадники выругались, попав на открытый участок, который никто не узнал, но тут кто-то из стражников окликнул остальных. Все развернулись и придержали коней у лагеря Байдура. Озаренные факелами, его туги полоскались на ветру. Гуюк помог матери спешиться, оглянулся и увидел, сколько народу собралось посмотреть, в чем дело. Шеренга за шеренгой, мужчины стояли с мечами наголо. Вспомнилось, как в такую же ночь Чагатай, отец Байдура, пытался напасть на Каракорум. Кто-кто, а его сын бдительность не утратит.

Гуюк некогда считал этого человека другом, но политика и убийство, которое совершил его собственный отец, развели их. Судя по позе, Байдур ждал атаки – обнажил меч и поднял его к плечу. Желтые глаза хозяина юрты холодно блеснули, и Гуюк показал ему пустые руки, хотя меч с волчьей головой он не снимал с пояса ни при каких обстоятельствах. Байдур правил большой территорией к западу от Каракорума, и Гуюк с горечью осознал, что должен заговорить первым, как проситель. Он станет гурханом, то есть подчинит себе все мелкие ханства, но пока это не имело никакого значения. Той ночью он считался лишь наследником.

– Байдур, я пришел с пустыми руками. Я не забыл, как мы дружили в пору, когда были мальчишками.

– Разве мы уже не договорились обо всем? – резко спросил Байдур. – Зачем ты явился? Зачем потревожил мой сон и всполошил моих людей?

Гуюк сощурился, меняя мнение о стоящем перед ним человеке. Хотелось повернуться к матери за подсказкой, но так он распишется в собственной беспомощности. В последний раз царевич видел Байдура, когда тот уезжал домой со своим туменом, а Чагатай считался предателем. Было время, когда Байдур мог стать правителем Каракорума, пожелай небесный владыка изменить судьбу его семьи. Вместо этого он унаследовал западное ханство и тихо там жил. Гуюк не видел в нем угрозу. Но власть изменила Байдура. Теперь он казался человеком, жестко принуждавшим остальных к беспрекословному послушанию. «А я таким кажусь?» – подумал Гуюк и скривился: уверенности у него не было.

– Я пригласил сюда Мункэ... господин, – поговорил Гуюк, кусая губы.

Байдур эту заминку заметил. А ведь они стояли перед Каракорумом! До чего досадно жаловаться кому-то звания, когда у самого ни одного нет... Гуюк почувствовал, как мать переступила с ноги на ногу, и припомнил ее наказ. Он пока не хан. Пока его удел – смирение.

Байдур не ответил Гуюку – он тоже отреагировал на движение Дорегене и низко ей поклонился.

– Прошу прощения, госпожа! Не ожидал увидеть вас среди всадников: ночь же на дворе. Добро пожаловать к моему очагу! Чай уже остыл, но я велю заварить свежий.

Гуюк кипел от злобы. Почтение, с каким встретили его мать, лишь подчеркивало, как мало уважают его самого. Интересно, Байдур нарочно его проигнорировал или и впрямь уважает регентшу? Вслед за матерью царевич двинулся к юрте Байдура и с раздражением пронаблюдал, как та наклоняет голову и входит внутрь. Воины Байдура не сводили с него глаз. Нет, не с него, а с меча у него на поясе. Гуюк ошетинился: они что, запугать его решили? Неужели он сглупит и вытащит меч после того, как в юрту вошла его родная мать?

К его вящему удивлению, один из стражников Байдура приблизился и отвесил глубокий поклон. Стража Гуюка плотнее обступила своего господина, но тот лишь отмахнулся и по-прежнему раздраженно спросил:

– В чем дело?

– Господин, позвольте мне прикоснуться к вашему мечу, только к рукояти. Потом буду детям об этом рассказывать.

Гуюк неожиданно понял, почему воины Байдура не сводят с него глаз, и покровительственно улыбнулся. Меч с волчьей головой на рукояти носил его отец Угэдэй, а до него – Чингисхан. Но чтобы меч лапали незнакомые стражники... От одной мысли Гуюк содрогнулся.

– Нам с твоим господином нужно многое обсудить, – начал он.

Как назло, стражник потянулся к мечу, глядя на рукоять с благоговейным трепетом, как на христианскую реликвию. Гуюк отсек бы наглецу руку, если бы не чувствовал себя в центре внимания, а большинство следящих были бы преданы ему, а не Байдуру.

– В другой раз! – рявкнул Гуюк и, чтобы избавиться от назойливого стражника, нырнул в юрту.

В юрте Дорегене сидела рядом с Байдуrom. Давненько Гуюк не бывал в жилище из прутьев и войлока, и с новой остротой прочувствовал, как тесно в юрте, как воняет овцами и сырыми шерстяными одеялами. В центре на огне шипел старый чайник, у которого хлопотала молодая служанка. От волнения она суежилась – чашки так и звенели. В юрте мало места для символов богатства и власти. По-простому жить куда легче, чем на каждом шагу спотыкаться о дорогой китайский фарфор. Какой-то миг Гуюк боролся с собой. Садиться рядом с Байдуrom казалось нарушением приличий, а сесть рядом с матерью значило лишиться равноправия в беседе. Нехотя Гуюк опустил на кровать возле Дорегене.

– Это ничего не меняет, – негромко проговорила та. – В Каракоруме собрался весь народ, все облаченные властью мужчины и женщины, кроме одного. Для клятвоприношения этого достаточно.

– В таком случае вы рискуете, Дорегене, – отозвался Байдур. – Я хорошо знаю Бату. Не стоит отсекал его от народа.

Лицо его казалось задумчивым и встревоженным. Гуюк присмотрелся, но ни злорадства, ни вероломства не увидел.

Раздался стук копыт: к юрте Байдура прискакал всадник. Тот поднялся и посмотрел на закипающий чайник.

– Подождите меня здесь. Эрден, подай им соленый чай.

Байдур оставил гостей. Но осторожный Гуюк не верил, что их невозможно подслушать. Он молча забрал чашу с чаем у девушки. Напиток она подала в рабской позе: руки

высоко подняты, голова опущена. Гуюк хотел взять ту чашу, но потом сообразил, что эта порция для его матери. Он стиснул зубы в ожидании своей порции. Иерархия, снова иерархия... Впрочем, скоро он все изменит. Что бы ни планировали другие, он не позволит Бату лишить его шанса стать ханом.

Байдур вернулся в юрту с Мункэ, и Гуюк встал, чтобы их поприветствовать. Дорегене невозмутимо потягивала свой чай. В юрте и так было тесно, а в присутствии Мункэ стало не продохнуть. Широкоплечий сын Тулуя каким-то образом успел втиснуться в доспехи. «Может, он спит в них?» – гадал Гуюк. Нынешней ночью его ничего не удивило бы.

Первой Мункэ поприветствовал Дорегене, потом поклонился Гуюку, низко, как давший клятву кланяется господину. Байдур этот поклон заметил, и у Гуюка сразу улучшилось настроение. Он уже раскрыл рот, чтобы заговорить, но, к его досаде, мать заговорила первой.

– Мункэ, Бату на сход не явится, – объявила она. – Я получила от него послание.

– Чем он это объясняет? – осведомился Байдур; потрясенный Мункэ промолчал.

– Какая разница? Бату пишет, что был ранен на охоте и приехать не может. Но это ничего не меняет.

– Это меняет все, – тихо и рассудительно возразил Мункэ. Гуюк невольно подался вперед, чтобы не пропустить ни слова. – Курултай окончен. А как же иначе? Бату не глава мелкой семьи, а глас нашего народа, хотя власть свою не использует. Если Гуюк станет ханом в его отсутствие, в будущем может разгореться междоусобная война. Войны никто из нас не хочет. Я вернусь к своим туменам, к своим семьям и скажу, что в этом году нового хана не будет. – Мункэ повернулся к Гуюку. – Я дал тебе клятву, господин, и изменять ей не намерен. Просто тебе нужно чуть больше времени, чтобы привести на сход Бату.

– Не нужно мне времени! – рявкнул Гуюк. – Спешу напомнить: вы все обещали присягнуть мне. Исполните обещание, а с Бату я разберусь позднее. Нельзя, чтобы один человек поверг народ в хаос, независимо от его имени и происхождения.

Еще немного, и Гуюк прикажет им подчиниться – Дорегене почувствовала это и поспешила вмешаться, пока он не оскорбил своих облеченных властью гостей:

– Все мы очень старались, чтобы принесение клятвы прошло спокойно, хотели выбрать хана без лишних раздоров. Теперь это невозможно. Но, думаю, Гуюк прав. Народ заждался нового хана. Муж мой умер почти пять лет назад. Много ли земель покорено с тех пор? Мы не захватили ничего и уже поутратили власть и авторитет. Принесение клятвы должно состояться даже в отсутствие одного из приглашенных. Мы выберем нового хана, а Бату сможет дать клятву отдельно, когда его вызовет единственный властитель всего народа.

Мункэ медленно кивнул, а Байдур отвернулся и поскреб вспотевшую подмышку. Никто из присутствующих не знал, что гонец доставил ему личное послание. Если рассказать, что Бату обещал поддержать его как хана, он, Байдур, почти наверняка подпишет смертный приговор старому приятелю. Если, конечно, самому не ввязаться в борьбу. Однако этой ночью Гуюк, Дорегене и Мункэ в его милости, в окружении его воинов. Можно махом расчистить себе дорогу, на что Бату наверняка рассчитывал.

На миг Байдур сжал кулаки, но потом бессильно опустил руки. Чагатай, его отец, не колебался бы. Кровь Чингисхана в каждом из них. Но Байдур видел слишком много боли и крови, вызванных безжалостными амбициями. Он покачал головой: решение принято.

– Отлично! Назначьте приношение клятвы на новолуние, оно через четыре дня. Новый хан нужен народу как воздух, а я сдержу слово.

Напряжение в тесной юрте достигло апогея, и Гуюк повернулся к Мункэ. Здоровяк потупился и кивнул.

Гуюк не мог не улыбнуться. Помимо присутствующих и Бату, серьезных соперников у него нет. Сколько лет он ждал – и вот наконец замаячил шанс получить отцовское наследство. Гуюк едва слышал, как мать обещает, что после принесения клятвы Бату пригласят в город.

Неужели они верят, что он примет сына Джучи как друга? Может, мать рассчитывает, что он уподобится великому правителю и проявит великодушие по отношению к тому, кто пытался, но не сумел сорвать его планы?

Смех снял напряжение. Байдур принес бурдюк с айрагом и чашки. Мункэ похлопал Гуюка по спине – поздравляю, мол, – и тот хмыкнул, довольный неожиданным поворотом событий. Затем поднял свою чашу, сдвинул ее с другими и наслаждался холодным айрагом. С Бату он посчитается, мысленно пообещал себе Гуюк.

* * *

К рассвету народ был готов. Долгие недели они готовились к принесению клятвы – запасали еду и питье в огромном количестве, чистили, чинили, натирали до блеска одежду и доспехи. Воины выстроились правильными квадратами и теперь молча ждали, когда ворота Каракорума отворятся. Суэта и паника прошлых дней исчезли без следа. За ворота выехали всадники во главе с Гуюком. Он сидел в седле с достоинством, облаченный в серо-синий дэли, который выбрал намеренно: сегодня ничего чужеземного и вычурного – все должно быть очень просто.

После первого курултая, созванного Чингисханом, их было так мало, что почти никаких традиций не сложилось. У городских ворот разбили большой шатер; там и спешился Гуюк, едва солнце поднялось над восточными горами, и передал вожжи слуге. Когда он занял место у шелкового шатра, приблизилась первая группа. Если не лопнет мочевого пузыря, в шатер он не войдет и не присядет, как бы нещадно ни палило солнце. Народ собрался посмотреть, как он станет ханом.

В первой группе внимание привлекали Байдур, Мункэ, а еще Сорхатани с Хубилаем и другими сыновьями. Здесь было почти четыреста человек, главы знатнейших семейств, в кои веки разлученные с помощниками, слугами и рабами. В зависимости от отношения к происходящему кто нарядился в яркие шелка, кто – в самую простую одежду. Никаких родовых тугов – человек смиренно приближается к Гуюку, преклоняет колени и клянется.

Даже в той группе существовала иерархия: первой подошла Дорегене, за ней – Сорхатани. Эти женщины правили народом в одиночку, хранили его после смерти Угэдэй-хана. В лице матери, преклонившей колени, Гуюк увидел лишь удовлетворение. Он едва позволил Дорегене опуститься на землю – тотчас поднял и прижал к себе.

Сорхатани так легко не отделалась. Клятва – гарант ее верности, но Гуюк не одобрял женщин-правительниц. Он решил со временем передать ее полномочия Мункэ, отец поступил бы именно так. Сорхатани уцелела – значит, удачлива; но женщины слишком переменчивы, слишком склонны к досадным ошибкам. А вот Мункэ в опрометчивости не заподозришь. Гуюк любовался своим боевым товарищем: тот приблизился вслед за Сорхатани и повторил клятву, которую уже давал в далекой земле. Так зародился поток, воды которого принесли их сюда.

Следующим подошел Хубилай, и Гуюка потряс ум, сквозивший в глазах молодого человека, который говорил о юртах, конях, соли и крови. Со временем и Хубилаю нужно пожаловать какой-нибудь высокий чин. Гуюк упивался своими планами: наконец он может думать как хан, а не просто мечтать.

На смену утру пришел день, а Гуюку уже казалось, что все гости на одно лицо. Главы семей, правители далеких земель, к шатру они подходили тысячами. У иных уже просматривались иноземные черты: так, старшие дети Чулгетая смахивали на корейцев. «Надо приказать им, чтобы плодились как должно, не то кровь наших вассалов захлестнет монгольскую», – подумал Гуюк. От возможности отдавать такие приказы голова кружилась, точно

от архи,⁶ сердце бешено стучало. Уже завтра его слово станет законом для миллионов и миллионов им подчиненных. Государство-то разрослось до пределов, о которых Чингисхан и не мечтал.

С наступлением вечера Гуюк объехал большие лагеря. Став ханом, он не тратил времени на ликование. Вместо этого заглядывал то в один лагерь, то в другой, чтобы люди преклоняли колени и клялись ему в верности. Гуюка сопровождали стражники, готовые обрушиться на любого, кто откажется, но опасения оказались напрасны. Сгустились сумерки, зажглись фонари. Гуюк поел и вернулся во дворец переодеться и справить нужду. Еще до рассвета он снова пустился в путь – отправился к самым бедным и простым своим подданным, к работникам из других народов. Те рыдали от восторга, получив единственный неповторимый шанс увидеть лик хана, силились навсегда запомнить его черты в первых лучах солнца. Гуюк грелся и нежился в его лучах. Он теперь хан, подданные уже готовятся к многодневному пиршеству. Не слишком огорчали даже мысли о Бату, окопавшемся в покоренных уруских землях. Сегодня день его, Гуюка, – он наконец властитель. Грядущее празднование радовало его все больше. Дворец станет центром красоты и молодости – центром нового поколения, которое развеет прах прошлого.

⁶ Архи – в Монголии крепкий алкогольный напиток, производимый из молока.

Глава 5

Дорегене опустилась на скамью в садовой беседке, чувствуя возле себя дух мужа. Лето задержалось, и город раскалился. Грозы месяцами собирались среди редкостной жары, которая на пару дней сменялась дождевой прохладой, потом все начиналось снова. Воздух в эту пору был тяжелым, напоенным влагой предстоящих ливней. Собаки, тяжело дыша, валялись на углах улиц; каждое утро начиналось с уборки одного или двух трупов и с женского плача. Дорегене уже не хватало власти. Пока Гуюк не был ханом, она могла послать дневную стражу, чтобы выбить признания из десятка свидетелей или вышвырнуть из города воровскую шайку. За одну ночь она потеряла возможность командовать и теперь могла лишь обращаться к сыну с просьбами на общих правах.

Сейчас Дорегене сидела среди вороха листьев, ища умиротворения, но не могла найти его даже в обществе Сорхахтани.

– Только не говори, что рада отъезду из города, – сказала вдова Тулуя.

Дорегене похлопала по скамье рядом с собой, но свояченица садиться не хотела.

– Мать не должна следить за каждым шагом, каждой ошибкой молодого хана. Старость должна уступить место молодости. – Дорегене говорила неохотно, фактически повторяя напыщенную речь, которую Гуюк произнес тем самым утром. – По смерти Угэдэя мне остался прекрасный дворец, так что мне будет удобно. Да я и впрямь стара. Порой с ног валюсь от усталости.

– Он от тебя избавляется, – проговорила Сорхахтани и подняла с дорожки нетонкую ветку. Наверняка та упала утром, не то цзиньские садовники уже убрали бы ее. У Сорхахтани в руках ветка гнулась не хуже прутика. – Сыну следует уважать твои заслуги – именно ты спасла ханство, стоявшее на грани раскола.

– Даже если и так, Гуюк – хан. Я годами этого добивалась – и добилась. Мне ли теперь жаловаться? Не глупо ли это с моей стороны?

– Не глупо, а по-матерински, – поправила Сорхахтани. – С родными сыновьями мы все глупы. Моем их, кормим грудью, а в ответ ждем благодарности до скончания их дней. – Сорхахтани хмыкнула: настроение вмиг изменилось. Дорегене тоже улыбнулась, хотя в действительности приказы сына ее обидели.

– Тебя, Сорхахтани, он из города не высылал, – заметила она.

– Не высылал, потому что Мункэ до сих пор в центре его внимания. Орлок ханского войска – о таком мой сын не помышлял. Никогда.

– Знаю. В кои веки Гуюк внял моему совету. Мункэ – потомок Чингисхана. Тумены за ним пойдут. Мой сын полностью ему доверяет, Сорхахтани. Это важно.

Вдова Тулуя промолчала. Как она и предсказывала, первый сезон правления Гуюка принес Мункэ много пользы. А вот Хубилай командовать войском Гуюка не стал бы никогда. Почему-то и он, и новый хан сразу не сошлись характерами. Уже дважды Сорхахтани усылала Хубилая из города якобы по поручению, чтобы сын в присутствии Гуюка не наделал чудовищных ошибок. Они злились друг на друга, как коты, чему ни Хубилай, ни сама Сорхахтани не могли подобрать внятного объяснения. Порою ей хотелось, чтобы Гуюк отправил ее на родину, подальше от городской жары, вонь и толчеи, подальше от политики, которая не дает спокойно прожить и дня. Но ее не отсылали, и даже это вызывало подозрения. Вряд ли Гуюк ценил ее как советчицу, а одно воспоминание о его отце до сих пор тревожило Сорхахтани. Много лет назад Угэдэй просил ее выйти замуж за его сына. При мысли об этом женщина до сих пор содрогалась. Порядочный Угэдэй не стал ее неволить, а Гуюк куда менее щепетилен. При нынешнем раскладе после ее смерти родные земли Чингисхана унаследует Мункэ или другой из ее сыновей, если она напишет завещание и если ее волю выполнят.

Сорхатани оставалось лишь надеяться, что Гуюк согласится править двумя отдельными ханствами, только навряд ли у него были такие планы. Наоборот, Сорхатани он казался жадным глупцом, которому лишь бы урвать побольше. Как досадно, что у молодого красивого мужчины столько внутренних изъянов. Некоторых людей власть раскрывает с лучшей стороны, но у Гуюка подобных изменений не наблюдалось.

Существовала еще одна проблема, которую нельзя обсуждать с Дорегене. Сорхатани не вправе указывать ей на недостатки Гуюка. Неделью назад тот отказался встречаться с корейскими царевичами, вместо этого усакаав со свитой на охоту. Сорхатани невольно поморщилась, вспомнив напряженную встречу с гостями. Словами и дарами пыталась она сгладить оскорбительное отсутствие хана, но заметила и злость, и безмолвные взгляды, которыми обменивались корейцы. Гуюк вернулся через несколько дней и отправил Яо Шу, своего советника, выслушать их просьбы. Сорхатани могла сделать это и сама, надели ее Гуюк полномочиями.

Воспоминания о том происшествии заставили женщину покраснеть от злости. Тогда она в кои веки пробилась к Гуюку, вопреки яростному протесту его слуг. Хотелось внушить ему, что жизнь – не бесконечные пирушки и охота с друзьями. Хан должен править каждый день, принимая решения, которые другим не под силу.

Гуюка это не проняло. Какое там – он рассмеялся и отослал ее прочь, фактически прогнал. Об этом с Дорегене говорить тоже нельзя – только не в тот момент, когда она собралась уезжать, завершив труды своей жизни. Сорхатани чувствовала, что будет скучать по свояченице, хотя полной откровенности между ними не было никогда.

Если бы не Хубилай, Сорхатани потеряла бы рассудок среди лжи, глупости и круговой поруки. Сын хотя бы слушал ее. И поражал своей проницательностью. Казалось, он знает все, что творится в городе, хотя, наверное, тут помогали шпионы, не менее ловкие, чем у Сорхатани. В последние дни тревожился даже Хубилай. Гуюк что-то затевал, постоянно посылая своим туменам новые приказы. Каждый день его воины упражнялись на равнинах с пушками, и город провонял порохом. Среди ямщиков у Сорхатани имелся шпион. Вот только ханские послания зачастую пересылались запечатанными, и вскрыть такое значило рискнуть жизнью шпиона, а Сорхатани им дорожила. Примечательна была сама секретность. Сорхатани чувствовала, что бродит в тумане. Может, Хубилай что-то выяснил или до чего-то додумался? Вечером нужно будет с ним потолковать...

Женщины подняли головы, заслышав шаги дневных стражников Гуюка. Дорегене со вздохом встала и посмотрела вдаль, словно надеясь запечатлеть этот город в своей памяти. Под бесстрастными взглядами кешиктенов подруги обнялись. Грузенные подводы и слуги уже ждали, чтобы отвезти Дорегене в далекий дворец на реке Орхон. Лето уходило, и Сорхатани не верила, что свояченице позволят вернуться. Гуюк открыто упивался властью, хотя и облекал приказы в красивые слова и комплименты.

– Я навещу тебя, – проговорила Сорхатани, борясь с чувствами.

Она не могла пообещать, что станет держать Дорегене в курсе дел, – только не при стражниках, которые передадут все услышанное Гуюку. Бывшая регентша кивнула, хотя в глазах у нее блеснули слезы. Она посадила сына на ханский престол, а тот отплатил ей ссылкой, хотя, конечно, выразился иначе. Ложь и заговоры – казалось, ничего иного безжизненным камням города и не породить.

Стражники повели Дорегене прочь; на фоне их молодости и силы она казалась хрупкой и сторбленной. На миг Сорхатани даже испугалась: ее лишили покровительницы. Кутежам и охоте вопреки Гуюк планомерно укреплял свою власть. Отныне Сорхатани не могла спокойно смотреть в будущее. Без разрешения Гуюка она даже домой вернуться не может. Она словно попала в одну комнату с голодным тигром и не знала, когда он вскочит и разорвет ее на части.

Вдали раздался пушечный залп, и Сорхатани вздрогнула. Мункэ там, командует военными учениями. Женщина беззвучно взмолилась, чтобы ее сыновья не пострадали при новом хане.

* * *

Гуюк расхаживал по пустым коридорам. Недавно своим указом он запретил слугам попадаться ему на глаза, вот они теперь и прячутся. Несколько дней назад хан налетел на девушку, не успевшую отступить в сторону. Приказ о ее наказании Гуюк отдал не задумываясь. Во дворце слишком привыкли к размеренности. К неспешной поступи стариков, особенно его отца. Новые порядки Гуюк собирался вводить ненадолго – пусть при виде его научатся шевелиться, – но ему очень понравилось смотреть, как при встрече с ним мужчины и женщины бросаются врассыпную, боясь просто попасться ему на глаза.

Гуюк зашагал быстрее, с ухмылкой наблюдая, как слуги разбегаются по смежным комнатам. Молва летела впереди него: новый хан вышел на охоту. Не останавливаясь, он толкнул медные двери и вошел в зал для приемов.

Там уже были Сорхатани и Яо Шу, бывший советник отца. Своей очереди ждали еще десятки человек, старавшиеся не показывать, что провели в зале уже полдня. Гуюк, не обращая на них внимания, прошагал по каменному полу к золоченому трону, инкрустированному лазуритом, поблескивающим в свете из окна. По крайней мере, сюда долетал свежий ветерок с улицы. Вслед за цзиньцами Гуюк привык к частому мытью, и от вони грязных тел в тесных комнатах у него начиналась тошнота.

Сорхатани внимательно следила за реакцией окружающих на появление хана, тщательно сдерживая свои эмоции. Она могла бы заговорить первой, но за часы ожидания они с Яо Шу согласовали порядок действий. Очередное оскорбление – потеря часов, пока Гуюк играет в игры со слугами. Досаду и раздражение нужно скрывать. Нужно помнить, что слово хана – закон, а малейшие признаки недовольства будут стоить ей земли, а то и жизни. Так что начинать лучше Яо Шу. Старик – воплощение этикета, волю эмоциям никогда не дает.

– Господин мой, – начал цзинец, приближаясь к Гуюку с глубоким поклоном; в руках он держал пергаментные свитки, на которые правитель неодобрительно посматривал. – Возникло множество вопросов, и решить их под силу только хану. – Гуюк хотел что-то сказать, но Яо Шу его опередил. – Правитель Корё просит выслать тумен для защиты от разбойников, бесчинствующих на побережье. Посланников в Каракорум он шлет уже в третий раз...

Яо Шу перевел дыхание, но Гуюк лишь поудобнее устроился на троне.

– Что еще? Продолжай, – любезно проговорил он.

– Господин мой, на цзиньской территории у нас есть тумены. Передать через ямщика, чтобы помогли корейцам?

– Конечно, – Гуюк махнул рукой. – Отправь им два тумена. Что еще?

Яо Шу захлопал глазами, удивляясь настроению Гуюка, но быстро продолжил, решив извлечь из него все возможное:

– Ну... правитель Си Ся⁷ жалуется, что для его государства налоги чересчур высоки. В сельской местности бушевала чума и выкосила половину тех, кто работал на полях. Он просил упразднить налоги на год, чтобы восстановиться.

– Нет, он мой вассал.

– Господин, такой жест подарит вам союзника еще преданнее, чем ныне.

⁷ Си Ся – официальное название Тангутского царства, павшего под ударами монголов в 1227 г. На самом деле в описываемый автором период Си Ся как самостоятельное государство не существовало.

– И соблазнит каждого мелкого правителя рыдать у меня под дверью. Я сказал «нет», советник. Следующий вопрос.

Яо Шу кивнул, быстро перебирая пергаменты.

– Накопилось более восьмидесяти прошений на вступление в брак, господин мой.

– Отложи их. Прочту потом в своих покоях. Что-то примечательное среди них есть?

– Нет, господин мой, – отозвался Яо Шу.

– Так давай дальше.

Сорхатани чувствовала, что цзинец нервничает. Раньше Гуюк ленился, доклады советников слушал с откровенным нетерпением. Так быстро он прежде ничего не решал, и Сорхатани гадала, что он им сейчас доказывает. От неприязни к новому хану свело живот. Его отец, Угэдэй, не отмахнулся бы от вестей о чуме, словно тысячи мертвецов для него не важны, а инфекция не может распространиться. Яо Шу говорил, что государству необходимо кораблестроение, а Гуюк с ехидцей отказывался выделить нужные средства. Но ведь в империи Цзинь есть море, а заморские жители бороздят его с не виданной монголами сноровкой.

Яо Шу поднял множество вопросов – и на каждый получил молниеносный ответ. Услышав иные из них, Сорхатани беззвучно стонала, но даже они были лучше застоя последних дней. Мир не может не меняться, пока Гуюк охотится с милыми его сердцу птичками.

За окном стало смеркаться, и хан велел принести еду и питье, но исключительно для себя. Нужды других его не интересовали. Через несколько часов Яо Шу закончил и передал слово Сорхатани.

Едва та приблизилась к трону, Гуюк подавил зевок.

– Пожалуй, на сегодня хватит. Тебя, Сорхатани, я заслушаю завтра первой.

– Господин мой, – в ужасе начала она, а в переполненном зале поднялся недовольный ропот. Гуюк отмахивался не от одной Сорхатани; его слышали и высокие гости, приехавшие издалека ради встречи с ним. Женщина собралась с духом, велев себе продолжать. – Солнце еще не село, господин мой. Скажите хотя бы, ответил ли Бату на призыв? Он приедет в Каракорум, чтобы принести клятву?

Гуюк уже собрался уходить. Он застыл, стоя спиной к Сорхатани, и, повернув назад голову, с упреком проговорил:

– Советников это не касается. Я сам с этим разберусь. – Улыбка у хана получилась неприятной, и Сорхатани впервые заподозрила, что Бату вообще не вызывали. Уже у дверей Гуюк бросил через плечо: – Продолжайте все работать, государство никогда не спит.

Следующим утром, на заре, Сорхатани разбудили слуги. Во дворце у нее остались комнаты, пожалованные ей, когда она помогала Дорегене в годы кризиса после смерти Угэдэя. Гуюк пока не посмел забрать их у нее, хотя Сорхатани не сомневалась, что со временем, освоившись в роли хана, он дойдет и до этого. Она села в постели. Слуга постучал в дверь и опустил голову, чтобы не увидеть госпожу. Монголы нагими не спят, но Сорхатани переняла цзиньскую манеру спать в тончайшем шелковом халате, и, пока слуги не усвоили эту ее привычку, подчас доходило до неловкостей.

Что-то не так – это Сорхатани поняла, когда увидела мужчину вместо девушки, которая по утрам помогала ей мыться и одеваться.

– В чем дело? – сонно спросила она.

– Ваш сын Хубилай, госпожа, хочет с вами поговорить. Я предложил ему вернуться, когда вы оденетесь, но он не уходит.

Сорхатани едва сдержала улыбку при виде плохо скрытого раздражения слуги. Хубилай умел вывести из себя. Если бы не личная охрана матери, он бы и в спальню к ней ворвался.

Она накинула халат поплотнее, перепоясалась, вышла в комнату, освещенную мягкими серыми лучами зари, и вздрогнула, увидав там Хубилая в темно-синих шелках. Сын перехватил ее взгляд, устремленный на встающее за окном солнце.

– Мама, ну наконец-то! – воскликнул он и улыбнулся, глядя на сонную и взъерошенную мать. – Хан уводит тумены из города.

Хубилай показал на простирающиеся за окном долины. Покои Сорхатани располагались достаточно высоко, и она увидела темную массу скачущих строем всадников. При виде их вспомнилось, как летом над городом плыли грозовые тучи. Но внезапно мысли ее прояснились, а губы вытянулись в тугую полоску.

– Гуюк упоминал, что перебрасывает тумены? – спросил Хубилай.

Сорхатани покачала головой, как ни горько ей было признавать, что хан с ней не поделился.

– Это... странно, – тихо проговорил Хубилай.

Сорхатани перехватила его взгляд и отослала слуг заваривать свежий чай. Оставшись наедине с матерью, Хубилай вздохнул с облегчением.

– Если Гуюк хочет показать свою власть или просто учения задумал, то с тобой, наверное, поделился бы, – продолжал он. – Понимает ведь, что полгорода соскочит с кроватей и будет смотреть. Войско тайком не переместишь, это Гуюк тоже понимает.

– Скажи, что он на самом деле затеял?

– По слухам, Гуюк ведет их на запад, в горы, чтобы испробовать новых людей и привязать к себе тяжелыми продолжительными учениями. Рыночные торговцы слышали ту же историю, и это меня беспокоит. Слишком похоже на красивые слухи, которые кто-то намеренно распустил.

Сорхатани едва сдерживала нетерпение, пока ее сын обдумывал возможные варианты, чтобы выбрать один. Она слишком хорошо его знала и доверяла его здравомыслию.

– Бату, – наконец объявил он. – Дело наверняка в нем. Одним стремительным ударом Гуюк разделается с единственным человеком, который не присягнул ему.

Сорхатани прикрыла глаза. Они по-прежнему были одни, только разве мало любителей подслушивать? Она подошла к сыну близко-близко и чуть слышно проговорила:

– Я могла бы его предупредить.

Хубилай отстранился и заглянул ей в глаза.

– И рискнуть нашими жизнями, – добавил он, коснувшись макушкой головы матери, словно утешал ее. Даже тайный наблюдатель не определил бы, разговаривают они или нет: Хубилай бормотал, вдыхая аромат ее волос.

– Я должна бездействовать, глядя, как убивают твоего двоюродного брата?

– Есть ли у тебя выбор, коли такова воля хана?

– Не могу оставаться в стороне и не дать ему шанса спастись. Гонцам по силам обогнать войско.

– Это опасно, – покачал головой Хубилай. – Ямщики запомнят, что везли послание. Если Бату спасется, Гуюк восстановит цепочку, пока не доберется до тебя. Нет, мама, этого я допустить не могу.

– Я велю кому-нибудь из слуг переправить сообщение в конюшни.

– Кто из них выдержит встречу с разъяренным ханом? Слугу можно купить, а можно сломать, чтобы заговорил. – Хубилай сделал паузу, глядя вдаль. – Вариант один – кто-нибудь, сам не из ямщиков, возьмет ямщицкую лошадь. Иначе Бату вовремя не предупредить, если ты и впрямь этого хочешь.

– Хубилай, ханом должен был стать он.

Сын схватил ее за руки, едва не причинив ей боль.

– Мама, не говори так. Даже мне. Во дворце теперь небезопасно.

– Вот именно, Хубилай. Шпионы теперь повсюду. Еще год назад я могла не следить за каждым своим словом, не боялась, что какой-нибудь надушенный придворный донесет своему господину. Новый хан отослал прочь Дорегене. Я, при повышенном его внимании, здесь тоже не задержусь. Сынок, позволь мне расстроить его планы. Помоги!

– Я отвезу послание, – вызвался Хубилай. – Чтобы не осталось ни записок, ни других следов.

Он думал, что мать возразит, но та поняла, что иначе не получится, и, отстранившись от него, кивнула. Глаза у нее блестели от гордости за сына, голос зазвучал с обычной силой:

– Отлично, Хубилай. Отправляйся на равнину и посмотри на всадников. Вечером расскажешь, что видел. Хочу слышать все.

Слухач-соглядатай не уловил бы ничего подозрительного, хотя оба понимали, что Хубилай не вернется.

– Мункэ будет рядом с ханом, – проговорил Хубилай. – Как же я ему завидую.

– Он же орлок хана, его самый верный сподвижник, – отозвалась Сорхахтани.

В этом предупреждении не было резона. Мункэ никогда не узнает, что они решили спасти Бату. Старшему брату Хубилая такие секреты доверять не стоило.

Глава 6

Гуюк знал, как эффектно смотрится на белом скакуне из унаследованного им ханского табуна. Вопреки еженощным пирушкам с обильными возлияниями и яствами, молодость⁸ обеспечивала ему стройность, сжигая все излишки жирка. Больших припасов, нужных для долгой кампании, он с собой не повез – не хотелось раньше времени развеять миф о горных учениях. Тем не менее коней хан взял в два раза больше, чем воинов, что позволило захватить достаточно снеди и утвари для приятной и необременительной вылазки.

Легко представлялось, как эти земли объезжал дед: дозорные впереди, войско позади. Гуюк вспоминал Большой поход на запад, себя бок о бок с Субэдзем... Воссоединение с войском вызывало смутную тоску о прошлом. Да, выступил он не на заре, как было принято, а ближе к полудню – стук в висках и тяжесть в животе Гуюк унял далеко не сразу. Лицо у него опухшее, веки набрякли, зато от верховой езды мысли быстро прояснились, и захотелось есть. Гуюк опасливо потрогал живот – да, расплылся малость... Ничего, бросок на две тысячи миль приведет тело в норму.

Хан перевел взгляд на простирающиеся впереди равнины, и настроение у него тотчас же испортилось. Нужно соблюдать осторожность, хотя порой казалось, что его секреты известны всем военачальникам. Вопреки собственному желанию, полностью Гуюк не доверял никому. Мункэ ехал чуть позади него с туменами, и по серьезному, хмурому лицу своего орлока Гуюк чувствовал, что многие осуждают его неумные аппетиты. Вспомнилась мать Мункэ, улыбающаяся плутовка, которая из Угэдэй-хана веревки вила. Избавиться бы от нее... Да мать важного человека вроде Мункэ просто так не прогонишь. Верных людей у хана много: обмолвишься при ком-нибудь из них о своем желании, и Сорхахтани исчезнет. Мало ли воинов, готовых исполнить ханскую волю даже с риском для собственной жизни? От такой власти кружилась голова, но Гуюк не забывал об осторожности и старался держать язык за зубами, хотя порой становилось невмоготу.

Справа от него заревел боевой рог, и Гуюк отогнал наваждение. Когда он поднял голову, два тумена неслись вперед с копьями, что за сегодняшнее утро случалось уже раз десять. После каждых двух-трех миль тумены давали отдых коням и дожидались остальных. Так выглядела внешняя сторона вылазки, и роптать Гуюк не мог, хотя грохот и крики раздражали. Во время каждой паузы воины ставили мишени и тренировались стрелять на полном скаку – выпускали, а потом снова собирали тысячи стрел. Зрелище впечатляло, и поначалу Гуюк радовался, что командует таким мощным войском, но после первой недели радость притупилась, хотя нередко он развлекался, представляя Бату, привязанным к мишени.

От одной мысли о таком кровь прилиwała к коже. Шпионская сеть Угэдэя меркла по сравнению с той, что соткал Гуюк. Ежевечерне тысячи подслушанных разговоров стекались к старшему, а тот передавал их Гуюку. Даже воинам туменов, осмелившимся критиковать хана, приходилось отвечать за свою опрометчивость. А вот Бату никто не критиковал. Его называли любимцем Субэдэя, внуком Чингисхана, не испачкавшим руки в политике и торговле. Такие разговоры приводили Гуюка в бешенство. Со временем простые воины научились не болтать лишнего, даже среди друзей, и после первых наказаний поток сомнительных разговоров почти иссяк, но Гуюк продолжал слушать. По его приказу двоих привязали к столбу и избили до крови. Двоих убили, обвинив в подстрекательстве к мятежу. Гуюк лично наблюдал, как одному из них перед казнью вырывают язык металлическими щипцами. Хан чуть заметно улыбнулся, вспомнив пытку. Кто теперь отважится призывать к мятежу?

⁸ Гипербола автора. В 1246 г. Гуюку было уже 38 лет, и считаться молодым, да еще по меркам того времени, он никак не мог.

Гуюк твердо верил, что такие меры не подорвут его авторитет, а, наоборот, укрепят. Воинам полезно знать, что новый властитель насаждает порядок так же решительно, как в свое время Чингисхан. Воинам полезно его бояться. Они не побегут от врага на глазах у своего хана.

Еще сто с лишним миль войско двигалось на запад, потом на два дня остановилось отработать боевой порядок в атаке. А утром третьего дня Гуюк повернул войско на север, к урусским землям, которые его отец так необдуманно даровал врагу. Та семья насквозь паршивая! Отец Бату был предателем, и его гниль передалась сыну. Доверия между ними не было бы, даже явись Бату в Каракорум и принеси клятву. Сын предателя только осквернит ее! Паршивое семейство нужно выкорчевать и сжечь дотла. Гуюк вспомнил, как давили на него мать и Сорхахтани. Ни та, ни другая не понимали: врага следует уничтожить. Если он оставит Бату в покое, то покажет себя слабым ханом, боящимся нанести решительный удар. Гуюк тайком улыбнулся: этот пример расчистит путь вперед и преподаст урок любому, кто хотел испытать на прочность нового хана. Пусть убеждаются! Все, от корейцев и арабов до западных жителей, пусть услышат весть о гибели Бату и подумают, стоит ли сопротивляться монголам. Об ужасной участи Бату узнают и в пустынях, и в горах, и на зеленых равнинах. Словно факел, эти вести расчистят Гуюку путь к вершине. Таким образом Бату еще послужит своему хану.

* * *

С расстояния в две мили Хубилай наблюдал за войском – длиннющей пропыленной колонной всадников. Приближаться к ним было опасно, но Хубилай отлично знал шпионскую тактику и двигался параллельно ханскому войску. Очень кстати оказалось то, что на равнине, кроме него, были и другие путники. Переброс такого числа всадников сорвал с насиженных мест козопасов и бедных крестьян, которые мелькали на краю равнины, спеша дать хану дорогу. Сам Хубилай вырядился в старый, грязный дэли, а руки и лицо перемазал сажей. При возможной поимке он надеялся сойти за крестьянина.

Хубилай затаился в высокой траве, поглаживая темную морду и губы своего коня. Тот лежал неподвижно, прижавшись щекой к земле, как его и учили. Но чтобы конь остался в неестественном для себя положении, требовалось прикосновение Хубилая. Темные влажные глаза следили за хозяином, хвост болтался – отгонял мух и привлекал ненужное внимание. В поле зрения туменов и их дозорных безопасность исключена, но Хубилаю нужно было разобраться в ситуации. Послание, которое он запомнил наизусть, может стоить многих жизней, если его перехватит хан. Хубилаю следовало выяснить, есть ли нужда в этом послании. Если всадники Гуюка проскачут мимо земель Бату, Хубилай тихо вернется в Каракорум и забудет о своей вылазке.

Сегодня утром тумены повернули на север. Каракорум остался далеко позади, и Хубилай кипел от гнева, полагая, что наконец разгадал замысел хана. Но и теперь он выжидал, дабы убедиться, что всадники не возвратятся и не остановятся, например, у озера, чтобы напоить коней. В переметной суме у Хубилая было и сухое кобылье молоко, и мясо. Если понадобится, он может ежедневно проезжать в два раза больше, чем войско. За день Гуюк покрывал в лучшем случае миль сорок – выступал не раньше полудня, особо не спешил... Хубилай не спускал с туменов глаз, отчаянно надеясь, что ошибается, пока окончательно не убедился в обратном. Когда ускакали последние всадники, он потрепал коня по морде, заставив вскочить. Хубилай отдыхал целый день, но скакать во весь опор ночью не решался. Если конь в темноте сломает ногу, ханское войско ему не нагнать и Бату не предупредить.

Следующее утро Хубилай встретил в шестнадцати милях севернее лагеря Гуюка, неподалеку от деревеньки, которая лежала у ручья на склоне холма. У него заканчивалась вода,

вот он и решил остановиться и пополнить припасы. На близлежащих холмах не было ни души, и Хубилай понял, что целый день сможет скакать во весь опор.

Он неспешно повел коня в деревню: пусть пастухи увидят, что он один. Юрт оказалось всего четыре, маленьких, но укрепленных деревом. Хубилай прошел мимо вонючей выгребной ямы и отметил, что местные жители бедны, но чистоплотны.

Потревоженные козы бросились перед ним врассыпную, их испуганное меканье не хуже собачьего лая оповещало: явился чужак. Через несколько мгновений перед Хубилаем выросли двое мужчин с луками наготове.

– Я заплачу за еду и бурдюк воды из вашего ручья, – громко объявил Хубилай.

Мужчины переглянулись, один неохотно кивнул. Хубилай похлопал по небольшому мешочку серебра, что висел у него на поясе, заодно показав им свой меч. Мужчины уставились на оружие, и Хубилай подумал, что прежде они, верно, видели только ножи. В глазах у обоих горела жадность, взгляды, которыми они обменивались, не сулили ничего хорошего. Вероятно, местные скотоводы не гнушались грабежом незадачливых путников. Луки они так и не опустили, а его собственный висел у него за спиной. Хубилай решил не сходить с коня, чтобы не провоцировать нападение.

– Принесите еды на несколько дней, и я уеду, – проговорил он.

Вытащил две серебряные монеты. Скотоводы опустили луки; один подошел за деньгами, другой, как и прежде, не сводил с пришельца подозрительного взгляда.

Хубилай освободил ноги от стремян и протянул монеты. Он ждал нападения, и тем не менее пастух застал его врасплох: схватил за длинный рукав и попытался вытащить из седла. Хубилай с силой пнул обидчика в подбородок и сбил с ног. На губах скотовода выступила кровь: он прикусил язык. Другой тотчас поднял лук, но Хубилай выхватил меч и приставил его к горлу незадачливого грабителя.

Тут послышался чей-то голос: некто задал вопрос. Хубилай оторвал взгляд от оторопевшего скотовода, которому грозил мечом, – и испугался по-настоящему. Пока он разбирался с пастухами, двое дозорных Гуюка подобрались к деревеньке с противоположной стороны и сейчас, спешившись, вели коней мимо юрта.

Хубилай тотчас спрятал меч в ножны и спешился. Пока конь заслонял его от дозорных, он лихорадочно размышлял. От дозорных не сбежать – к дальним броскам они привычнее, чем он, и станут преследовать его до самой ночи. Сперва Хубилай корил себя за промах, потом отрешился от него и постарался полностью успокоиться, как много лет назад научился у ханского советника. Паниковать не имело смысла – Хубилай принял решение. Он стал ждать, когда дозорные приблизятся.

При всей своей настороженности воины увидели только трех драчунов, у одного из которых изо рта текла кровь. Дозорные подвели коней ближе, и Хубилай немного ссутулился, якобы хлопоча вокруг коня, чтобы замаскировать рост. Грязный, оборванный, он мало чем отличался от скотоводов. Выдавал его лишь меч, но Хубилай надеялся, что воины Гуюка не станут слишком пристально к нему приглядываться. Пастухи-воры низко поклонились дозорным хана, и Хубилай последовал их примеру, якобы трепеща перед столь важными людьми.

– Стойте смирно! – приказал один из дозорных и приблизился к ним; его спутник отстал на несколько шагов. Хубилай хорошо разбирался в иерархии ханского окружения и понял, что за старшего у них первый. – В чем тут дело? – осведомился командир, немолодой и худой, как щепка.

– Мы просто спорим, господин мой, – тотчас ответил Хубилай, – из-за коз, которых я покупаю.

Краем глаза он увидел, что раненый козопас смотрит на него разинув рот. Вдруг дозорный решит наказать деревенского разбойника, даже отдать его под ханский суд. Самому

решать мелкий спор не захочется. Хубилай отчаянно надеялся, что козопасам хватит ума держать рот на замке, пока он убалтывает дозорных.

– Своим животным я мечу левое ухо. Дважды, вот так, сами посмотрите. – Хубилай ткнул пальцем, но дозорный не глянул в ту сторону – опыт указывал ему не отвлекаться. – Мои двоюродные братья метят так же... а ведь я предупреждал, что это приведет к подобным спорам. Козы мои, я их всегда узнаю. Господин, вы, видать, приближенный хана. Если рассудите нас, буду премного благодарен...

Хубилай трещал без умолка. Старший, успокоившись, повернулся к своему напарнику и ухмыльнулся.

Пастух с окровавленными губами пытался заговорить, и Хубилай повернулся к нему.

– Закрой рот, Хахан, это все ты виноват. Бурую я везде узнаю, как свое родное дитя.

Пастухи изумленно таращились на безумца, который называл их неизвестно как. Но дозорные уже теряли интерес. Хубилай потупился, старательно вживаясь в роль.

– Господин мой, если соблаговолите подождать, пока я отбираю своих коз, я вознесу к небу тысячи молитв о вас. Моя жена снова беременна. Мы небогаты и не можем потерять лучших коз-производительниц!

– Пошли! – позвал старший, потеряв интерес к трем оборванцам, которые спорили у дороги.

Дозорные уже развернулись, чтобы уйти, а Хубилай все умолял и умолял, вздыхая с облегчением. Наконец он остался наедине с козопасами. Они смотрели на него, как на бешеного пса. Пастух с перепачканным ртом сплюнул кровью и, преодолевая боль, спросил:

– Кто ты?

– Простой путник, – ответил Хубилай. Тело его ныло от напряжения, кулаки тряслись, когда он их разжал. – Нуждаюсь в воде и провизии, как уже говорил. Если до сих пор подумываете меня ограбить, второй раз на мое великодушие не рассчитывайте. Стоит мне крикнуть, и они вернутся.

Пастухи невольно взглянули вслед дозорным – предложение Хубилая им не понравилось. На здешних равнинах справедливости не жди. Людьми хана даже пугали детей.

Вместо того чтобы ускакать прочь, Хубилай оседлал коня и поехал за козопасами, которые наполнили его бурдюки водой и дали небольшой сверток с лепешками и жареной бараниной. Еда пахла восхитительно, но перекусить Хубилай собирался лишь когда оторвется от ханского войска. Земли Бату в тысяче с лишним миль к северу, но если он не попадет туда чуть раньше Гуюка, толку не будет. В путь Хубилай пустился мрачный и сосредоточенный: больше дозорных пропускать нельзя. Чтобы спасти Бату, пригодится каждое лишнее мгновение.

Глава 7

За три дня скачки во весь опор Хубилай довел коня до полного изнеможения. Во время коротких привалов тот отдыхал, пощипывая травку, но восстановиться не успевал. На четвертый день Хубилаю стало больно сидеть в седле. Затвердевших мозолей, как у дозорных, у него не было, поэтому на ягодицах и поясице появились обширные ссадины. Каждое утро начиналось с мучительной боли, потом короста слетала, и резкая боль сменялась ноющей, которая не стихала целый день. Как далеко он заехал, Хубилай не ведал; знал лишь, что ханское войско позади него. Когда Бату странствовал, то брал с собой целый тумен воинов и их семьи. Такую уйму людей не спрячешь. Хубилай рассчитывал увидеть их следы, хотя эта проблема была не самой насущной.

Самой насущной проблемой было состояние коня, который пугающе отошал, сильно потел и пускал желтые слюни. Настала пора уподобиться ямщику – привести в действие план, в Каракоруме казавшийся простым. Из седельной сумы Хубилай достал кусок ткани с нашитыми на ней колокольчиками и накрыл ею седло. Поднявшись на холм, огляделся по сторонам. Вокруг не было ни души, но миль двадцать тому Хубилай видел ям, а потом держался тропы, протоптанной ямщиками. Он критически оглядел себя и поморщился. Ямщики с баулами не странствуют. Вес – ключ ко всему. С недовольной гримасой Хубилай раскрыл переметные сумы и высыпал припасы на землю. Туда же полетел лук, а после небольшой паузы на горку тряпья и кожи упал и меч. Он оставил только маленькую заплечную сумку из кожи, вроде той, что носят гонцы. Даже написал безобидное письмо фальшивому лицу, чтобы показать его, если остановят и допросят, хотя это казалось маловероятным. К ямщикам обычно никто не привязывается.

Подумав, Хубилай искромсал сумки в клочья и обмотал ими меч в ножнах; получился сверток, который вполне можно припрятать. Он дорожил своим клинком, хотя и собирался расстаться с ним, по всей видимости, навсегда. Но не бросать же его в придорожной пыли на милость мародеров или, чего пуще, ханских дозорных, когда те будут проходить здесь...

Хубилай завел коня в рощицу, чтобы дожидаться там сумерек. Ехать осталось всего несколько миль, к яму он решил подобраться на закате или даже ночью. Сам Чингисхан установил расстояние между ямами в двадцать миль. Иные ямы действовали так долго, что между ними простирались широкие дороги, вдоль которых семьи ямщиков выстроили кирпичные дома.

Хубилай сел спиной к дереву, сжимая в кулаке вожжи, и заснул. Когда он проснулся, на рощицу уже опустились сумерки. Сколько времени прошло, он понятия не имел. Хубилай встал и, ругаясь, потянулся за седлом. Конь заржал и отшатнулся и, пока седок не ударил его по морде, отказывался стоять смирно.

Через считанные мгновения всадник снова пустился в путь, прислушиваясь и высматривая признаки жизни. Луна только взошла, и Хубилай радовался покрову тьмы. Вскоре впереди он увидел свет и пустил коня галопом. Каждый его шаг сопровождался звоном колокольчиков, во тьме особенно громким.

Ям оказался маленьким. Он стоял среди пустоши – несколько построек из кремня и извести на мощеном дворе. Горели факелы; значит, его появления ждали. Хубилай уверенно въехал на двор и увидел двух мужчин. Один держал полный воды бурдюк, другой – блюдо с кусками мяса, сочащимися горячим бульоном. Из стойла вывели свежего коня и оседлали, пока Хубилай спешивался.

– Кто ты? – вдруг спросил мужчина с блюдом.

– Везу срочные послания из Каракорума, – резко ответил Хубилай. – А ты кто?

– Прости, – отозвался мужчина с блюдом.

«Гонец» отметил, как его подозрительный взгляд остановился на приведенной свежей лошади. Вообще-то Хубилай не раз подумывал о краже ямского коня, хотя таких лошадей обычно не воруют – на этом легко попасться.

Мужчина нехотя кивнул, но спросил-таки Хубилая, который тем временем схватил с блюда большой кусок сочной баранины и отправил в рот:

– Если ты впрямь из Каракорума, то знаешь, кто там старый ямщик.

– Териден, – с набитым ртом ответил Хубилай. – Здоровенный христианин с рыжей бородой. Я отлично его знаю.

Проверка не составила сложности для молодого человека, выросшего в городе, хотя сердце у Хубилая бешено колотилось: а ну как разоблачат? Ноющую боль от язв тоже следовало скрыть. Он сел на свежего коня, поправил заплечную суму, взял бурдюк и залпом выпил архи с водой. Смесь оказалась противной кислятиной, но Хубилай согрелся почти моментально. Отныне запасы провизии он сможет пополнять лишь на ямах.

– Передам ему, что вы тут славно справляетесь, – пообещал он, взял поводья и повел лошадь к калитке.

Ямщики не ответили – они уже расседывали и чистили его коня. В свете факелов было видно, как от его боков валит пар. Хубилай улыбнулся и погнал к дороге на север. План сработал, сработает и еще. Быстрее, чем через ямы, послание не доставить. Пока Хубилай лично не поговорит с Бату, тот не узнает, что оказался в опасности.

Служитель яма пристально смотрел вслед Хубилаю. Таких желтых глаз, как у этого гонца, он в жизни не видывал. По слухам, такие же были у Чингисхана... Служитель поскреб блошинный укус на шее, пожал плечами и снова взялся за работу.

* * *

Четверо мужчин следили за тропой уже три дня. Они охотились парами и к ужину всегда приносили кроликов на жаркое. Неподалеку был большой садок, поэтому оставалось лишь разместить у нор силки. Горная дорога просматривалась как на ладони, и они коротали время за разговорами, игрой в бабки и починкой старых инструментов. Еще пара дней, и их смена закончится. Пока несли дозор, ничего примечательного не случилось – проехала лишь одна семья торговцев, но дозорных не заинтересовал дешевый товар из телеги, которую вез старый конь с бельмом на глазу. Грубый хохот, хороший пинок – и торгаши укатали восвояси.

– Кто-то едет, – сказал Парих, младший из четверки.

Его товарищи дошли до границы маленького лагеря и, стараясь не обнаружить себя, внимательно осмотрели тропу. На луках, надежно защищенных от влаги, давно не подтягивали тетиву. Впрочем, каждый из четверых держал оружие наготове. Понадобится – через миг полетят стрелы. Дозорные вглядывались в тропу, проклиная рассветную дымку, которая портила видимость и словно напознала от самих скал, а потом рассеивалась.

Дымка не помешала разглядеть одинокого путника, который медленно вел по дороге хромого коня. Голова опущена – путник напоминал усталого воина, бредущего домой после долгих ночей охоты или поисков пропавшего животного. Как бы то ни было, дозор на этой дороге считался первой линией обороны, поэтому часовые настороженно встречали каждого. Тарриал,⁹ старший из дозорных, перевидал предостаточно засад и схваток. Из четверки шрамы украшали только его, вот товарищи и ждали от него указаний. В горах звуки разносятся на много миль, и Тарриал безмолвным жестом отправил Париха на разведку. Паренек

⁹ Странные имена для ратников из войска Бату. Вероятно, это волжские булгары, с предками которых некогда смешались хазары.

проползет по гребню, посмотрит, не подкрадывается ли кто, и, в крайнем случае, отвлечет внимание от лагеря.

На глазах товарищей Парих добрался до точки, с которой тропа просматривалось на добрых полмили, и поднял раскрытую ладонь. Все спокойно.

Успокоился и Тарриал.

– Только один человек. Ждите здесь и не вздумайте воровать у меня еду. Я пойду к нашему гостю.

Тарриал спускался по каменистому склону, даже не думая таиться. Напротив, он старался побольше шуметь, чтобы не застать странника врасплох. Много лет назад в Самарканде на глазах Тарриала убили командира его джагуна.¹⁰ Тот таился, наблюдая, как грабят лавку. Когда часть шайки разбежалась, он выбрался из укрытия и положил замешкавшемуся вору руку на плечо, надеясь испугать до полусмерти. Уловка удалась, но запаниковавший грабитель не раздумывая пырнул его кинжалом под ребро... Тарриал с теплотой вспомнил лицо командира.

Когда он спустился к тропе, путник приблизился настолько, что дозорный смог его рассмотреть. Незвестный был очень высоким и казался таким изможденным, что едва передвигал ноги. Конь припадал на правую переднюю ногу и, как и хозяин, буквально посерел от пыли.

* * *

Хубилай почувствовал взгляд Тарриала и вскинул голову. Свободная рука скользнула к поясу, только меча там не было, и, скривившись, Хубилай поднял ее, чтобы показать: он безоружен.

– Гонец? – спросил Тарриал.

– Да, – ответил Хубилай, злясь на себя за то, что так глупо заблудился среди холмов.

Он потерял счет не только времени, но и коням, которых сменил на промежуточных ямах. Сейчас стараниями шайки воров все его усилия могли пойти насмарку. Уже в который раз он пожалел, что бросил оружие.

– Для кого послание? – осведомился Тарриал. Предчувствие подсказывало: путник необычный, только чем именно? Пыль пылью, но желтые глаза так и блестели, а правая рука путника не раз тянулась к поясу, словно человек привык носить меч. Странно, ведь простые ямщики оружие не носят...

– Ямщиков не останавливают, – резко ответил Хубилай. – Послание не для тебя, кем бы ты ни был.

Тарриал ухмыльнулся. На вид незнакомец чуть старше Париха, а судя поговору, привык командовать.

– Отвечаешь, как воин, – отметил он.

На миг Хубилай воздел глаза к небу.

– Воин на ямской лошади и с кожаной сумой за плечами... Да еще совершенно без ценностей...

– Мы не воры, парень. Мы солдаты. Разница есть. Не всегда, конечно, но, как правило, есть.

К удивлению Тарриала, Хубилай расправил плечи, взгляд его желтых глаз стал еще пристальнее.

– Кто командует твоим минганом?¹¹ – только и спросил он.

¹⁰ Джагун – сотня.

¹¹ Минган – тысяча.

– Он в сотне миль отсюда, но из-за тебя, парень, я дергать его не буду. Только не сегодня.

– Как его зовут? – рявкнул Хубилай. В каждом тумене по десять минганов, поэтому он знал почти всех монгольских командиров такого уровня.

Резкий тон заставил Тарриала ошетиниться и удивиться еще сильнее. Один, без оружия, в глуши, этот юнец¹² держался так, что командир дозора заново обдумал его вопрос.

– На ямщика ты не похож, – опасливо проговорил он.

– Болтать мне некогда! – раздраженно отозвался Хубилай. – Назови его имя или уйди с дороги.

Не дав Тарриалу ответить, он натянул поводья и повел коня по тропе, прямо на дозорного.

Воин замялся. Ужасно захотелось ударить наглеца. Никто бы не упрекнул его за это, но инстинкт самосохранения велел сдержаться. Слишком странная эта встреча, с самого первого слова.

– Его зовут Хулдар, – ответил Тарриал.

Он решил: собьет странника с ног, если тот попробует протиснуться мимо него. Но незнакомец остановился, на мгновение закрыл глаза и кивнул.

– Послание для Бату из рода Кият-Борджигинов. Только для его глаз и ушей. Отведи меня к нему.

– Что же ты сразу не сказал, парень? – осведомился Тарриал, по-прежнему хмурясь.

– Сейчас же!

¹² И снова автор неточен. В данное время Хубилаю шел 34-й год, и юнцом его никак нельзя было назвать.

Глава 8

Почти не разговаривая, Тарриал и Парих вели Хубилая через горы. У дороги оставили только одного дозорного, а другого отправили к командиру с донесением. Хромой конь отдыхал вместе с другими конями; взамен гонцу дали самого мелкого из своих, норовистого, только и ждущего, чтобы укусить седока за палец.

Парих поделился водой со странным ямщиком. Ни Хубилай, ни Тарриал разговаривать не хотели, и после нескольких неудачных попыток завязать беседу Парих отчаялся. Командир вел их по широкой тропе, петлявшей по холмам. Вдали Хубилай видел горы, но сколько ни обращался к памяти, не мог точно определить, где находится. Воздух радовал свежестью и прохладой; когда Хубилай вел коня под узду или ехал верхом, холмы просматривались на многие мили.

– Из-за хромого коня я и так потерял целый день, – проговорил он через какое-то время. – Нужно идти быстрее.

– Зачем это? – тут же спросил Тарриал.

Он недовольно смотрел на непонятного ямщика, обращавшегося с ними, как со слугами. Тарриал глазам своим не верил, но при каждом взгляде незнакомца Парих чуть ли не в струнку вытягивался. Ямщики такими властными не бывают. Тарриал уже решил, что это какой-то командир, прикидывающийся ямщиком. Он не рассчитывал, что Хубилай ответит, но тот неохотно проговорил:

– По пятам за мною движется целое войско. Еще неделя, может быть, десять дней, и они будут здесь. Твоему господину пригодится любое лишнее время, которое мы выиграем.

Парих разинул рот, а Тарриал перестал хмуриться, неожиданно встревожившись.

– Большое войско? – спросил он.

Вместо ответа Хубилай пнул коня в бок, чтобы прибавил шаг.

– Узнаешь, когда я передам послание твоему господину, – бросил он через плечо.

Тарриал с Парихом переглянулись и пустили коней галопом, чтобы догнать и перегнать странного курьера.

По дороге Хубилай оценивал оборонный потенциал окрестностей. Видимо, лагерь Бату расположен в горной долине, если, конечно, дозорные не соврали о расстояниях. Что он читал об этом в библиотеке Каракорума? Тумены Чингисхана разрушили крепость ассасинов,¹³ разобрали ее по камешку. Оплоту Бату дольше не продержаться. При наихудшем исходе его людям придется сниматься с места. С наступлением ханской армии Бату останется бежать без оглядки, шансы спастись ничтожны.

Дозорные, прибавив шаг, повели его по горным грядам и долинам, в основном лесистым. Троица ехала звериными тропами; те замедлят войско Гуюка, вынудят двигаться гуськом. В ожидании засад и ловушек хан потеряет не один день... Хубилай покачал головой, пуская коня рысью в полумрак: ветви деревьев, словно полог, едва пропускали солнце. Он давно потерял счет дням и милям.

Однако уже на закате они добрались до внутреннего кольца лагерей дозорных. Тарриал остановился, чтобы наполнить бурдюки, справить нужду, сменить лошадей. Суставы у Хубилая отчаянно скрипели – он спешил, чтобы последовать его примеру. Воины Бату кивали Тарриалу и Париху, а его встречали враждебными взглядами. В лесной сырости дозор

¹³ Здесь и далее: автор явно что-то путает. Чингисхан никогда не воевал с исмаилитами, это делали его потомки. Впрочем, о сражениях Чингисхана с ассасинами Иггульден уже писал в своем романе «Чингисхан. Кости холмов». Отнесем это на счет авторского вымысла, на который писатель имеет полное право.

несли человек десять, которые постоянно менялись. Хубилай сомневался, что Бату можно застать врасплох, только какой от этого прок...

Усталый гонец сел на свежего коня и вслед за Парихом и Тарриалом поехал прочь из лагеря. Быстро стемнело, и он начисто перестал ориентироваться. Если бы не Тарриал, не сыскать ему дорогу. Лес казался бесконечным, и Хубилай подумал, не нарочно ли дозорный выбрал тропу поизвилистей, чтобы ямщик не вернулся назад и не привел других.

Ехали всю ночь. Под конец Хубилай задремал в седле, поклевывая носом в такт шагам коня. Никогда в жизни он так не уставал. Вот уже и троп не стало. Тут Хубилай заподозрил, что Тарриал ориентируется не лучше его. Звезд не разглядишь, и казалось, что они скачут словно в полусне. Их кони преодолевают невидимые препятствия, послушные окрикам, пробираются через кусты. Чем дальше, тем сильнее хлестали ветви и царапали колючки.

Серый свет зари понемногу вернул лесу привычный облик. Хубилай, весь в кислом поту, едва мог поднять голову. Спина болела нестерпимо. Он то расправлял плечи, то сутулился, стараясь облегчить боль. Тарриал смотрел на него с плохо скрытым презрением. Но ведь сам он до этого целый месяц почти не садился в седло и не истощил организм так, что аж черты лица заострились. От изнеможения Хубилай люто ненавидел Бату без веских причин. Он понимал, что тот в жизни не оценит жертвы, на которые он пошел, чтобы принести известие о походе Гуюка, и кипел от гнева. Подчас одна ненависть и поддерживала Хубилая.

Солнце взошло, и ему почудилось, что деревья стали расти реже, чем казалось ночью. Та странная скачка уже вспоминалась обрывками. Когда потеплело, Хубилай подставил лицо солнцу, открыл воспаленные глаза и увидел, что они наконец выбрались из леса.

За лесом начиналась живописная долина. Приглядевшись, Хубилай рассмотрел вдали плотную стену леса. Долина была не чудом природы, а результатом многолетней работы тысяч людей, расчистивших участки, где Бату и его окружение могли мирно жить с семьями. Вокруг на многие мили во всех направлениях тянулся лес. «Как же Гуюк найдет такое место?» – принялся гадать Хубилай. Пахло дубом, буками, а кострами – нисколько.

Прибытие троицы не осталось без внимания. Едва всадники показались из-за деревьев, поселение огласили крики. Из юрт и домов, стоявших группами, высыпали воины и верхом поехали навстречу. Хубилай стряхнул усталость: предстоящая встреча требовала сосредоточенности. Он выжал на лицо каплю теплой воды из бурдюка и тщательно поскреб щетину на подбородке и вокруг рта. Он такой грязный, запущенный... Образ бедного ямщика прилип к нему намертво.

Воины скакали галопом на отдохнувших лошадях и казались на омерзение бдительными. Чтобы унять головную боль, Хубилай закрыл глаза и осторожно их потер. Он понимал, что должен поесть, не то скоро потеряет сознание.

Командир джагуна открыл рот, чтобы заговорить, но Хубилай поднял руку.

– Я Хубилай из рода Кият-Бориджинов, двоюродный брат Бату. – Тарриал и Парих кинули на него свои взгляды. Он ведь им до сих пор не назвался. – Немедленно отведите меня к вашему господину. У меня для него важные вести.

Командир джагуна захлопнул рот так, что зубы щелкнули: этот тип назвался царевичем, а выглядит и воняет, как нищий. Желтые глаза дико блестели на грязном лице. Командир вспомнил, что, по легендам, именно такие глаза были у Чингисхана, и кивнул.

– Я отведу тебя, – проговорил он, разворачивая коня.

– Еще – еды, – наконец пролепетал Хубилай. – Мне нужна еда и немного айрага или вина.

Воины не ответили, и он поехал следом за ними. Тарриал и Парих следили за ним вытаращенными от изумления глазами. Они считали себя ответственными за Хубилая и не желали возвращаться на свой одинокий пост на холмах.

– Может, стоит подождать и выяснить, что к чему, – немного помолчав, проговорил Тарриал и раздосадованно вздохнул. – До доклада командиру хоть горло промочим.

В самом лагере Хубилай увидел широкие грунтовые дороги, бегущие мимо домов – и привычных ему юрт, и бревенчатых, вероятно построенных из сваленного здесь же леса. Домов была тьма. За годы, прожитые в этой глухомани, десятилетиячное окружение Бату успело вырастить детей. Вместо замшелого лагеря Хубилай попал в столицу молодого государства. Вокруг лес, бревен предостаточно, и дома ставили высокие, прочные. Хубилай с интересом смотрел на двухэтажные строения и гадал, как их жители спасутся от пожара. Каменных домов он почти не заметил, в лагере пахло дубом и сосной...

Хубилай понял, что от усталости отвлекся, а сотник уже остановился у большого дома в центре лагеря. Гонец почти не почувствовал облегчения, увидев Бату. Тот стоял у дубовой двери, скрестив руки на груди. Два крупных пса выглянули из дома, один зарычал на чужака, но Бату наклонился и потрепал его за ухом.

– Хубилай, я помню тебя чуть ли не мальчиком, – начал он, широко улыбаясь. – Добро пожаловать! В моем доме ты получаешь права гостя.

Хубилай спешился, но ноги подогнулись, и он чуть не упал. Чьи-то сильные руки вовремя подхватили его.

– Бедняга на ногах не стоит, ведите его в дом, – велел Бату.

Жилище его было просторнее, чем казалось снаружи, – наверное, благодаря малому числу перегородок. Фактически оставили одну комнату с деревянной лестницей в спальню, похожую на сеновал. Мягкие лежа, стулья, столы разместили как попало. Хубилай вошел, зная, что за ним следуют два воина. Он замер на пороге, чтобы псы обнюхали ему руки. Те вроде бы смирились с его присутствием, но один не сводил с него глаз, как и охранники Бату. Хубилай позволил им обыскать себя, ведь найти им было нечего. Пока шел обыск, гонец заметил в спальне детей, улыбнулся им, и они исчезли.

– У тебя изможденный вид, – отметил Бату, когда обыск закончили.

На поясе у него висел длинный нож, и от Хубилая не укрылось, что Бату готов схватиться за него при первых же признаках опасности. Дураком он не был никогда, а по монгольской легенде, Чингисхан однажды убил человека острым краем доспехов, когда все считали, что он разоружен. Только вряд ли Бату опасался старого халата дэли, провонявшего потом и мочой.

– Это неважно, – покачал головой Хубилай. – Я привез сообщение из Каракорума. От моей матери для тебя. – Наконец-то он сказал то, что так давно хранил в тайне, и сразу стало легче. – Можно мне присесть?

– Да, конечно, – Бату аж порозовел. – Садись сюда.

Он велел принести еду и чай, и один из охранников бросился выполнять приказ. Второй, невысокий, жилистый, отличался типично цзиньскими чертами лица и бельмом на одном из глаз. «Цзинец» замер у двери и подмигнул детям невидящим глазом, прежде чем уставиться перед собой.

– Спасибо, – поблагодарил Хубилай. – Путь был долгий, а вести, увы, неважные. Мама велела передать, что к тебе идет Гуюк. Он вывел войско из города. Несколько дней я шел за ними и убедился, что они впрямь движутся на север. Я обогнал их, но в лучшем случае привез тебе неделю. Мне очень жаль.

– Сколько у него туменов? – осведомился Бату.

– Десять, с двумя-тремя конями про запас на каждого седока.

– Метальни есть? Или пушки?

– Нет, они приготовились словно к крупной облаве. Все добро везут на свободных лошадях – по крайней мере, из того, что я видел. Бату, мама очень рисковала, посылая меня. Если об этом узнают...

– От меня не узнают, клянусь, – отозвался Бату. Он смотрел вдаль, словно обдумывая услышанное, но под безмолвным взглядом гостя снова сосредоточился. – Спасибо, Хубилай, никогда этого не забуду. Жаль, что у меня лишь неделя, но постараюсь успеть.

– У Гуюка сто тысяч воинов, – напомнил Хубилай, хлопая глазами. – Попробуешь дать отпор?

– Вряд ли мне следует обсуждать это с тобой, брат, – улыбнулся Бату. – Отдохни здесь пару дней, отъешься – и возвращайся в город. Если останусь жив, отблагодарю тебя. И, пожалуйста, поблагодари свою мать от моего имени.

– С ханом мой брат Мункэ, – продолжал Хубилай. – Он орлок войск Гуюка и, как сам знаешь, не дурак. Образуется, Бату! Я предупредил тебя, чтобы ты успел сбежать.

Бату взглянул на двоюродного брата: тот сидел за столом ссутулившись. Чувствовалось, что он очень устал.

– Пойми, если я начну обсуждать с тобой свои планы, то не смогу отпустить. Если тебя поймают дозорные Гуюка – и так выкачают более чем достаточно.

– Пытать меня они не посмеют.

Бату лишь головой покачал.

– А если Гуюк прикажет? Ты слишком высокого мнения о себе. Допускаю, что пощадят твою мать, потому что Мункэ так рьяно поддерживает хана, – и только. Других поблажек не жди.

Хубилай быстро принял решение, отчасти потому, что в нынешнем состоянии физически не мог сесть в седло.

– Дождусь безопасного момента и уеду. Только скажи, что не собираешься нападать на ханское войско – на то самое, что покорило Яньцзин, крепость ассасинов и афганские племена! Кто на твоей стороне? Максимум двенадцать тысяч воинов, часть из которых – юнцы, еще не испытанные в бою. Получится не битва, а самая настоящая бойня.

Принесли еду с чаем, и Хубилай буквально накинулся на них: голод затмил все остальные заботы. Бату потягивал чай, пристально за ним наблюдая. Сын Тулуя славился умом. Сам Чингисхан отметил этот дар и велел остальным братьям с ним советоваться. Бату не мог проигнорировать совет Хубилая, даже если советчик совершенно ему не нравился.

– Если побегу, буду бежать вечно, – проговорил он. – Меня заносило в Венгрию, Хубилай, за пять тысяч миль от дома. Немногие из живых поймут лучше меня, что от хана не убежать. Гуюку ничего не стоит преследовать меня хоть до края света.

– Тогда вели своим людям разбежаться в ста направлениях. Под видом пастухов пусть скроются в урусских степях. Вели им закопать мечи и доспехи. Скажи, что, по крайней мере, выжить они могут. Просто ждать нельзя, Бату.

– Лес велик... – вяло начал тот.

Соленый чай оживил Хубилая, он ударил кулаком по столу и перебил:

– Лес замедлит их, но не остановит. Чингисхан взбирался на горы вокруг Китайской стены точно с такими же людьми. Ты заявил, что разбираешься в войсках. Подумай, Бату. Пора бежать. Я подарил тебе несколько дней, их хватит, чтобы сохранить отрыв от Гуюка. Если же не хватит... Большого у тебя все равно нет.

– Я уже сказал, что благодарен тебе, Хубилай. Но если побегу, сколько жителей этой долины будут живы через год? Пара тысяч? Пара сотен? Они мне преданы. Эта земля принадлежит мне по воле Угэдэй-хана. Никто не вправе отнять ее у меня.

– Что же ты в Каракорум не явился? Если бы преклонил колено да принес клятву, войско сюда не шло бы.

Бату вздохнул, потер щеку и на миг показался почти таким же усталым, как Хубилай.

– Мне просто хотелось покоя и чтобы Гуюк не втягивал моих воинов в бесцельные войны. Я поддержал Байдура, сына Чагатая, но в последний момент он решил не сражаться

за ханство. Я его не виню. Думал, без меня хана не выберут, но получилось иначе. Считай это тщеславием или просто ошибкой. Я мог поступить иначе.

– А потом? Ты мог приехать после того, как Гуюка избрали ханом...

Лицо Бату посуровело.

– Ради спасения моих людей я бы приехал, поклонился и присягнул надушенному поганцу, поправ свою честь.

– Но ты не приехал, – сказал Хубилай, встревоженный силой подавленного гнева Бату.

– Он не звал меня, Хубилай. Ты первый человек из Каракорума, которого я увидел с тех пор, как Гуюк стал ханом. Поначалу я даже подумал, что ты явился призвать меня к клятве. Я был к этому готов. – Бату обвел рукой лагерь – все семьи, всех детей и собак. – Больше мне ничего не нужно. Старый хан не ошибся, даровав мне эти земли. Ты понимаешь?

Хубилай молча кивнул.

– Приехав сюда, я увидел несколько гнилых юрт и деревянных домишек в лесной чаще, – продолжал Бату. – Удивился: зачем этим людям такая глушь? Потом нашел разбитое седло с клеймом моего отца. Здесь поселился Джучи, сбежав от Чингиса. Хубилай, эту землю избрал первенец великого хана. Здесь дух моего отца. Гуюку не понять, но здесь мой дом. Если он просто оставит меня в покое, я никогда не стану ему угрожать.

– Но если он придет сюда, то спалит этот лагерь дотла, – тихо сказал Хубилай.

– Поэтому я должен дать ему отпор, – проговорил Бату, кивнув самому себе. – Он внук Чингисхана, вдруг примет вызов другого внука? Гордец он тот еще.

– Он велит изрешетить тебя стрелами, не дав и рта раскрыть, – проговорил Хубилай. – Неприятно говорить о таком, Бату, но учти, что собственной жизнью он ни за что не рискнет. Забудь свои безумные планы. Понимаю, ты в отчаянии. Только выбора нет...

Хубилай осекся. Бату заметил, что его двоюродный брат смотрит словно в себя, и схватил его за руку.

– Что такое? Что ты придумал?

– Ничего серьезного, – отозвался тот, вырываясь.

– Позволь мне судить, – настаивал Бату.

Хубилай вскочил, и один из псов зарычал на него.

– Не тяни меня за язык, дай подумать.

Он принялся мерить комнату шагами. Мысль, посетившая его, казалась чудовищной. Хубилай понимал, что привык решать подобные вопросы в безопасном Каракоруме, где ответственности практически никакой. Здесь же, если рассказать о своей задумке, может измениться мир. Хубилай прикусил язык, не желая говорить ни слова, пока хорошо не поразмыслит.

Бату наблюдал за двоюродным братом, почти не смея надеяться. Мальчиком Хубилай был любимым учеником главного ханского советника. Когда этот мальчик говорил, даже великие останавливались и слушали. Бату молча ждал, строго посмотрев на одного из сыновей, который заполз под стол и обнял его за ноги. Малыш доверчиво глядел на Бату, твердо веря: его папа самый сильный и бесстрашный на свете. Бату очень хотелось, чтобы так оно и было.

Ни словом не обмолвившись, Хубилай вышел на улицу. Охранник с бельмом последовал за ним и держался неподалеку, пристально следя за пришельцем. Пусть его следит! Хубилай застыл в центре лагеря среди людской суеты. Лагерь разбили на манер города, с дорогами, убегающими в разные стороны. Хубилай улыбнулся, отметив, что ни одну из тех дорог прямой не назовешь. Они петляли, путались, чтобы сбить с толку нападающего. Лагерь Бату буквально кипел энергией, которая чувствовалась и в шуме стройки, и в голосах торговцев. На глазах Хубилая двое тащили неведомо куда тяжелое бревно. По улицам носились дети, грязные оборвыши, еще не ведающие взрослых забот.

Если не предпринять ничего, Бату либо развернет атаку и погибнет, либо пустится в бега – и тоже погибнет. Неужели он, Хубилай, заехал в такую даль, чтобы увидеть уничтожение двоюродного брата и его людей? А как же клятва хану? Хубилай поклялся служить ему юртами, конями, солью и кровью...

Внезапно разозлившись, он пнул придорожный камень. Какой-то мальчишка взвизгнул от удивления и зыркнул на грубияна, растирая ушибленную ногу, в которую попал камень. Хубилай его даже не заметил. Клятву он уже нарушил, предупредив Бату, и особых угрызений совести не чувствовал. Но новая его задумка еще страшнее...

Когда наконец Хубилай обернулся, на пороге дома он увидел Бату и охранника с бельмом. У их ног сидели собаки.

– Ну что ж, Бату, давай потолкуем, – кивнув, проговорил Хубилай.

Глава 9

Гуюк любил длинные летние вечера, когда мир пропитан серым светом, а воздух чист и прохладен. Он умиротворенно наблюдал, как солнце садится на западе, окрашивая небо в тысячи оттенков красного, оранжевого и пурпурного. Стоя у юрты, хан смотрел на лагерь, который разбили его тумены. Во время каждого привала среди пустоши вырастал целый город. Все нужное везли на свободных конях. Гуюк почувствовал запах жареного мяса с пряностями и глубоко вдохнул, ощутив прилив сил. До заката еще далеко, а он проголодался. Хотелось посмеяться над собственными предрассудками. Он же хан, законы Чингиса не должны ему мешать.

Гуюк вскочил на коня, упиваясь своей силой и молодостью. Щеки разругались. Неподалеку стояли два командира минганов, стараясь смотреть куда угодно, только не на него. Гуюк жестом подозвал слугу, и Анар, с трудом удерживая охотничьего орла, приблизился. И слуга, и орел притихли. Хан поднял правую руку в длинной, до самого локтя, кожаной перчатке. Орел опустил к нему голову, и Гуюк завязал ошейники. В отличие от соколов, орел колпачки не жаловал. Он сидел с непокрытой головой, глаза его так и блестели. На миг птица отчаянно захлопала крыльями, показывая белый пух. Гуюк отвернулся от сильного ветра, и орел успокоился. Хан погладил его по голове, остерегаясь кривого клюва, которым птица легко может порвать горло волку.

Едва орел успокоился, Гуюк свистнул, и один из командиров мингана приблизился с низко опущенной головой. Казалось, он не хочет ничего видеть и ничего знать. Гуюк улыбнулся такой осторожности, понимая, в чем дело. Жизнь этого человека зависела от неосторожного взгляда и небрежно брошенного слова.

– Сегодня вечером поеду охотиться на восток, – объявил Гуюк. – Дозорные отозваны? Командир мингана молча кивнул в ответ.

Сердце Гуюка бешено колотилось, голос его казался придушенным. За месяц похода он выезжал уже на седьмую охоту – и всякий раз трепетал от страсти, которую не испытывал даже с молодой женой в Каракоруме.

– Если понадобится, пошли гонца на восток.

Командир мингана поклонился, по-прежнему не поднимая глаз. Такая деликатность Гуюку нравилась. Без лишних слов он кивнул Анару, и оба поскакали прочь из лагеря. Хан легонько придерживал орла, который рвался вперед.

Воины, попадавшие навстречу, опускали голову. Гуюк же ехал по высокой траве, гордо расправив плечи. Здесь паслись десятки тысяч расседланных коней. Огромный табун напоминал тучу; за ночь он вчистую съедает траву на огромной равнине. Здесь тоже встречались воины, ночующие вместе с лошадьми. Некоторые, завидев всадников, приближались, но, сообразив, что перед ними хан, замирали, становясь слепыми и глухими.

Пока Гуюк ехал мимо стад, вечерний свет понемногу мерк. С каждой милей невидимая ноша таяла, и хан расправлял плечи. Настроение улучшалось. Тени удлинялись, и Гуюку вдруг захотелось погоняться за ними, как в детстве. Здорово, что можно хоть на время отбросить серьезность. Она-то и угнетала его. А еще груз проблем, давивший на плечи... В лагере его дни заполнены обсуждением тактики, рапортами, взысканиями... Гуюк аж вздохнул. Он жил ради золотых мгновений вроде этого, ради возможности отрешиться от всего и побыть самим собой.

Милях в пяти к востоку от лагеря они с Анаром нашли ручей, который так долго тек по равнинам, что едва не пересох. У ручья росли деревья, и Гуюк выбрал место, где сгущались тени, чтобы насладиться покоем и одиночеством. Для хана они на вес золота. С момента

пробуждения до последних встреч при свете факелов, перед самым отходом ко сну, Гуюка постоянно окружали люди. Просто слушать журчание ручья было счастьем.

Гуюк развязал опутинки вокруг ног орла, дал птице приготовиться и подбросил ее в воздух. На сильных крыльях орел быстро набрал высоту и закружил в сотнях футов над ним. Для охоты было поздновато, и Гуюк подумал, что орел далеко не улетит. Он развязал приманку, размотал веревку и с гордостью взглянул на орла. Его темные перья отливали красным, а благородством он не уступал Гуюку – происходил от птицы, которую сам Чингисхан поймал еще ребенком.

Гуюк начал вращать приманку все быстрее и быстрее, пока веревка стала не видна. Орел покружился и, камнем упав вниз, на миг исчез за холмом. Хан улыбнулся: повадки птицы он знал хорошо. Тем не менее орел удивил его – появился сбоку, а не оттуда, куда он смотрел. Гуюк углядел темный силуэт с расправленными крыльями – орел бросился на приманку и с криком принес ее на землю. Гуюк тоже крикнул, хваля орла, и рукой в перчатке протянул ему кусок сырого мяса. Орел жадно набросился на угощение, а хан завязал опутинки и поднял его повыше. Было бы посветлее, устроили бы охоту на лис или зайцев, но вечер быстро вступал в свои права. Успокоившегося орла Гуюк привязал к передней луке седла.

Пока он занимался орлом, Анар лежал на земле, постелив толстую попону. Молодой человек не первый день служил хану, но по-прежнему нервничал. Вот Гуюк снял перчатку и на миг застыл, наблюдая за слугой. Ослабился – вышла ленивая улыбка хищника.

Но тут же она померкла: Гуюк услышал вдали стук копыт и звон колокольчиков. Он поднял голову, негодуя, что к нему посмели приблизиться. Даже гонцу не следовало мешать ему в этот вечер. Гуюк сжал кулаки и, чувствуя себя неловко, застыл в ожидании неведомо кого. Этого неведомого, по какому бы поручению тот ни спешил, он отошлет до утра в лагерь. На миг хан подумал, что какой-то идиот нарочно решил помешать ему. Такое очень в духе простолюдинов, и Гуюк пообещал себе выбить имя у гонца злоумышленника. Он с удовольствием назначит шутнику наказание.

В сгущающихся сумерках Гуюк не сразу узнал Бату. Двоюродные братья не виделись со дня возвращения из Большого похода на запад, да и ехал Бату, низко опустив голову. Вот он поднял ее, и Гуюк от изумления вытаращил глаза. Никогда в жизни хан не чувствовал себя таким одиноким. Его драгоценное войско осталось далеко – не дозовешься.

Мрачно улыбаясь, Бату спешил. Анар задал какой-то вопрос, но Гуюк не услышал, потому что со всех ног бросился к коню отвязывать меч, прикрепленный к седлу. Орел забился, испуганный чужаком. Хан бездумно развязал опутинки и отошел от коня, чтобы обеспечить свободу для маневров.

– Не нужно суетиться, господин мой, – проговорил Бату. Спешил он, лишь убедившись, что Гуюк не попытается сбежать. – Эта встреча назревала так давно, что пара мгновений ничего не изменит.

Гуюк заметил меч на поясе Бату и впал в отчаяние. Пока он таращился, незванный гость вынул клинок из ножен и проверил его остроту.

Сам Гуюк держал в руках меч с волчьей головой – лезвие из синей стали, резная рукоять. Меч передавался в его семье от отца к сыну, от хана к хану. Одно прикосновение к нему придавало сил. Обнажив меч, Гуюк бросил ножны на траву.

Бату приближался медленно, каждый его шаг источал уверенность. Быстро темнело, но Гуюк видел, как блестят глаза врага. Хан ощерился, борясь со страхом. Он ведь моложе Бату,¹⁴ и он учился орудовать мечом у мастеров. Гуюк расправил плечи, чувствуя на лбу легкую испарину; сердце бешено билось. Он не ягненок и без боя не сдастся.

¹⁴ Гуюк был старше Бату на три года.

Бату почувствовал его уверенность, остановился и глянул на Анара. Слуга Гуюка стоял шагах в десяти от него, разинув рот, как голодный птенец. Хан понял: если не остановить безумный порыв Бату, погибнет и Анар. Он стиснул зубы и поднял меч.

– Ты нападешь на своего хана? На своего двоюродного брата?

– Ты не мой хан, – заявил Бату, приближаясь на шаг. – Я не давал тебе клятву.

– Вот я и явился, чтобы привести тебя к присяге, – парировал Гуюк.

Бату снова остановился, и Гуюк с удовлетворением заметил, что тот озадачен. Это хорошо, даже небольшое преимущество ему во благо. Им обоим известно, что без доспехов поединок продлится несколько мгновений. Два мастера боя продержались бы какое-то время, но обычным воинам со своими мечами не совладать. Один удар способен раздробить кость, отсечь руку или ногу...

Бату шагнул мимо коня Гуюка, и хан скомандовал:

– Удар!

Бату отпрянул от коня, ожидая, что тот его лягнет. Двоюродные братья видели боевых коней христианской кавалерии, которые в битве становились оружием. Конь Гуюка на приказ не отреагировал, зато орел у него на спине расправил свои огромные крылья. Гуюк тут же выпрыгнул вперед, крича во все горло.

Испуганный Бату бросился на птицу и полоснул ее мечом, пока та не вонзила в него когти. Крылья заслонили рану от Гуюка. Орел вскрикнул и упал к его ногам. Хан сделал выпад, целясь Бату в грудь, и на миг возликовал: двоюродный брат не успевал поднять меч и поставить блок.

Бату увернулся и вытащил меч из тела поверженной птицы. Орел упал на спину, но еще хватал когтями воздух и тянулся клювом к своему обидчику. Вот Бату вытянул руку, и Гуюк, вложившись в удар, едва не потерял равновесие. Он задел мечом ребро Бату и отпрянул для нового удара. Легкий дэли распахнулся, обнажив глубокий, обильно кровоточащий порез. Бату выругался и еще дальше отступил от птицы и ее хозяина.

Гуюк улыбнулся, хотя внутри все бурлило: его орла смертельно ранили. Он не решался взглянуть на своего любимца, но жалобный клекот уже затихал.

– Думал, будет легко? – подначил он Бату. – Братишка, я хан нашего народа, носитель духа и меча Чингиса. Он не даст мне погибнуть от руки мерзкого предателя. Анар! – позвал он, не сводя глаз с Бату. – Садись на коня, езжай в лагерь и вызови сюда охрану. А я пока прикончу эту падаль.

Если таким образом Гуюк провоцировал Бату на атаку, то цели своей достиг. Едва Анар двинулся к своей белой кобыле, Бату бросился вперед, меч словно ожил у него в руках. Гуюк поставил блок – и закричал, ощутив силу Бату. Уверенности поубавилось, хан отступил на шаг и вернулся на прежнее место. В памяти всплыл давным-давно усвоенный урок: если начнешь отступать, остановиться сложно.

Меч Бату не разглядишь – так быстро он движется. Гуюка спасли навыки, привитые в детстве, и дважды он парировал удары чисто интуитивно. К своему неудовольствию, он уже тяжело дышал, а Бату орудовал мечом без остановки и малейших признаков одышки. Гуюк блокировал еще один разящий удар, который вспорол бы его, как козла; его легкие уже горели огнем, а Бату не знал усталости, молотя мечом все быстрее и быстрее. Вот ногу словно ужалило: это меч Бату настиг его и сильно рассек мышцы. Гуюк отступил еще на шаг и чуть не упал, потому что раненая нога дрогнула. Посмотреть, как дела у Анара, он не мог и не слышал ничего, кроме звона мечей и собственного дыхания. Оставалось надеяться, что тот спасся бегством. Гуюк подумал, что ему не одолеть Бату, молотящего мечом, как дровосек топором. От отчаянно защищался и ждал удобного момента, чувствуя, как по ноге течет кровь.

В суете Бату, не заметив, что сбоку подобрался Анар, блокировал выпад Гуюка и, высоко подняв меч, раскрылся. Тут Анар и сбил его с ног, и они покатались по траве. Гуюк слышал, как колотится его сердце, словно весь мир затих.

Невооруженный Анар попытался сдержать Бату, который вскочил на ноги. Хану представился удобный момент. Бату дважды ударил Анара мечом в бок, лишая его воздуха – и жизни. Но и чуть живой, тот цеплялся за полу его халата, выводя Бату из равновесия. В диком гневе Гуюк рванул вперед. Первый его удар не достиг цели, потому что Бату закрылся Анаром, как щитом, а потом бросил. Хан хотел в выпаде пронзить Бату сердце, но не хватило прыти. Меч врага настиг его прежде, чем он успел нанести удар. Гуюк прочувствовал каждый дюйм металла, скользящего меж ребер. Он поворачивался вместе с мечом, но гнев еще давал силы сопротивляться. Гуюк охнул – клинок застрял в его груди, и Бату не мог его вытащить. Двоюродные братья едва не обнимались, они были слишком близко друг к другу, и Гуюк не мог использовать свой меч. Зато он ударил рукоятью Бату по лицу, сломал ему нос и разбил губы. Силы утекали, как вода, удары слабели, и вскоре хан едва поднимал руку.

Меч выпал из вялых пальцев, ноги подогнулись, и Гуюк осел на землю. Меч Бату, вонзенный глубоко в грудь, опустился вместе с ним. Анар лежал на спине, давился кровью и жадно хватал воздух ртом. Гуюк перехватил его взгляд, но отвел глаза: что ему до участи слуги?

Перед глазами потемнело. Бату потянул рукоять меча, но боль Гуюк почти не почувствовал. Едва клинок покинул его тело, опорожнились кишечник и мочевой пузырь. Но конец все не наступал, и хан бесцельно цеплялся за жизнь, пока в легких оставался воздух.

Бату стоял и налитыми кровью глазами смотрел на труп двоюродного брата. Слуга Гуюка протянул дольше, и Бату, не говоря ни слова, дождался момента, когда Анар перестанет хрипеть и взирать на него с мольбой. Когда оба умерли, он опустился на одно колено, положил меч на землю и осторожно ощупал лицо, чтобы определить, сильно ли ранен. Кровь текла из носа липкой струей, попадала в горло, и Бату сплюнул ее на траву. Взгляд его упал на меч Гуюка с оскаленной волчьей мордой на рукояти. Бату покачал головой, дивясь своей жадности, и огляделся в поисках ножен. Затем вытер меч, вложил в ножны и опустил Гуюку на грудь. Ханский дэли уже потяжелел, насквозь пропитавшись остывающей кровью. Меч был в распоряжении Бату, но забрать он его не мог.

– Мой враг мертв, – пробормотал Бату, глядя на неподвижное лицо Гуюка.

От Хубилая он знал, что хан уедет из лагеря без охраны. Ждал целых три дня – лежал и наблюдал, рискуя быть обнаруженным дозорными. Его постоянно одолевали сомнения куда сильнее жажды. А вдруг Хубилай ошибся? Вдруг он впустую теряет время, вместо того чтобы спасти своих людей? Бату был очень близок к отчаянию, когда наконец показался Гуюк...

Он все стоял и смотрел на трупы. Оказывается, уже наступила короткая летняя ночь, хотя схватка долгой не показалась. На убитого орла Бату глянул с сожалением: он знал, что предка этой птицы приручил сам Чингис. Воин расправил плечи, вдохнул свежий воздух и ощутил, как боль стихает. Раны он получил несерьезные и неплохо себя чувствовал. Кровь так и бурлила, Бату дышал полной грудью, наслаждаясь жизнью. Он ничуть не жалел о решении сразиться с ханом. Бату взял с собой лук и вполне мог убить и Гуюка, и его слугу из засады, но выбрал способ достойнее. Он рассмеялся. Что будет с народом без Гуюка, Бату не знал и знать не хотел. Главное, спасены его люди. Усмехнувшись, он вытер свой меч о рубаху слуги, вложил в ножны и зашагал к коню.

* * *

Когда подъехал Мункэ, воины стояли у тела хана, молчаливые и подавленные. Вставало солнце, на деревьях каркали вороны. Казалось, нижние ветви сплошь облеплены черными птицами, а сколько их опускалось на землю, хлопало крыльями и поглядывало на мертвеца... Пока Мункэ спешил, воин раздраженно пнул одного из них; впрочем, тот успел улететь.

Гуюк лежал недвижим, с отцовским мечом на груди. Мункэ склонился над телом хана, спрятав чувства под равнодушной маской, которая со временем появляется у каждого воина. Он долго так стоял, и никто не решался заговорить.

– Воры забрали бы меч, – наконец изрек Мункэ глубоким, полным гнева голосом.

Он поднял меч, вытащил из ножен и увидел, что клинок начисто вытерли. Взгляд орлока скользнул по трупам и остановился на кровавых пятнах, темневших на одежде ханского слуги.

– Ты никого не видел? – вдруг спросил Мункэ, повернувшись к дозорному, стоявшему ближе всех к нему. Бедняга аж содрогнулся.

– Нет, господин, никого. – Он покачал головой. – Хан не вернулся, и я отправился его искать. Потом... направился к вам.

Мункэ буравил его взглядом, и дозорный в страхе отвел глаза.

– Ты должен был проверить восточные земли, – тихо напомнил орлок.

– Господин мой, хан приказал вернуть дозорных в лагерь, – отозвался боец, не решаясь поднять голову.

Он заметно потел, струйка пота слезой ползла по щеке. Вздрыгнул, когда Мункэ вытащил меч с рукоятью в виде волчьей головы, но не отступил, а так и стоял, потупившись.

Ни один мускул не дрогнул на лице Мункэ, когда он замахнулся и отрубил дозорному голову. Безвольное тело упало наземь, но орлок повернулся к нему спиной. Хубилая бы сейчас сюда! Вопреки неприязни к увлечению брата всем цзиньским, Мункэ чувствовал, что тот дал бы дельный совет. Сам он был в полной растерянности. Убийство шпиона не выместило и малой доли его гнева и разочарования. Хан убит. Кто виноват, если не Мункэ, орлок его войска? Он долго молчал, потом глубоко вдохнул, набрав в легкие побольше воздуха. Тулуй, его отец, отдал жизнь за спасение Угэдэй-хана. Мункэ был с отцом до конца и лучше других знал почетные обязанности своего поста. Он не мог сделать меньше, чем отец.

– Я не защитил господина, которому принес клятву, – пробормотал он. – Жизнь прожита зря.

Подождал один из военачальников и склонился рядом с Мункэ над телом хана. Старый Илугей вместе с Субэдэем участвовал в Большом походе на запад. Он знал Мункэ много лет и, услышав слова орлока, покачал головой и проговорил:

– Твоя смерть его не вернет.

Мункэ повернулся к нему, покраснев от злости.

– Я виноват! – рявкнул он.

Илугей потупился, не желая смотреть командиру в глаза. И тут увидел, что меч у Мункэ в руках шевельнулся. Он расправил плечи и приблизился, показывая, что не боится.

– Мне тоже голову отрубишь? Господин мой, ты должен сдержать свой гнев. Смерть не твой выбор, только не сегодня. Ты должен вести войско. Мы далеко от дома, господин мой. Если ты погибнешь, кто нас поведет? Куда нам идти? Дальше? Биться с внуком Чингисхана? Или домой? Ты должен вести нас, орлок. Хан погиб, у народа нет лидера. Народ беззащитен, а вокруг столько шакалов... Что случится теперь? Хаос? Братоубийственная война?

Мункэ с трудом отогнал мысли о трупах на поляне. Гуюк не успел оставить наследника. Да, в Каракоруме его ждала жена. Мункэ смутно помнил молодую женщину, но как же ее зовут? Наверное, это уже не важно. Орлок подумал о Сорхахтани, своей матери, и словно услышал ее голос. Ни за Бату, ни за Байдуrom войско не пойдет. Должность орлока дает отличный шанс стать ханом. Сердце пустилось галопом, и Мункэ зарделся, словно стук его могли услышать. Об этом он не мечтал, но реальность сама навязалась ему грудой тел, неподвижно лежащих у его ног. Орлок заглянул Гуюку в лицо, бледное и безвольное после потери крови.

– Я был тебе верен, – шепнул он труп.

Вспомнились дикие пиры, которые Гуюк закатывал в городе. Как же они его раздражали! Рядом с Гуюком Мункэ всегда было неловко, и виной тому пристрастия хана. Впрочем, это уже дело прошлое. Орлок силился представить себе будущее, но не мог – и снова пожалел, что Хубилай не рядом, а в Каракоруме, за тысячу миль отсюда. Брат сообразил бы, что сказать людям...

– Я подумаю над твоими словами, – пообещал Мункэ Илугею. – Вели завернуть тело хана в ткань и приготовить к дороге. – Он взглянул на сведенное смертной судорогой тело слуги Гуюка, отметив засохшую струйку крови, вытекшей у него изо рта. А что, неплохая мысль... Мункэ заговорил снова: – Хан пал смертью храбрых, уничтожив своего убийцу. Люди должны об этом знать.

– Труп убийцы оставить здесь? – спросил Илугей, глаза которого заблестели. Монгольские воины – известные любители приврать. Может, все именно так и случилось... но неужели умирающий вытер меч и аккуратно положил его поверженному хану на грудь?

Мункэ поразмыслил и покачал головой.

– Нет, четвергуйте его и бросьте в выгребную яму. Остальное – дело солнца и мух.

Илугей понимающе кивнул. Это ведь тщеславие сверкало в глазах Мункэ? Илугей не сомневался, что орлок не откажется от права на ханский престол, и неважно, каким образом это право у него появилось. Старый тысячник презирал Гуюка и с облегчением думал о том, что народом станет править Мункэ. Орлок ненавидел цзиньскую культуру, незаметно пропитавшую повседневную жизнь. Он станет править как монгол, как Чингисхан. Илугей спрятал улыбку, хотя его старое сердце пело.

– Как прикажете, господин, – невозмутимо отозвался он.

Глава 10

Обратный путь занял месяц – почти в два раза меньше, чем дорога из Каракорума. Свободный от приказов Гуюка, Мункэ поднимал воинов на заре, гнал во всю прыть и дважды думал, прежде чем объявить привал на сон или еду.

Когда вдали замаячили светлые городские стены, настроение воинов не поддавалось определению. Они везли тело хана, и многие стыдились того, что не исполнили свой долг перед Гуюком. Однако Мункэ держался уверенно, уже не сомневаясь в полноте своей власти. Гуюка как хана не любили, и многие воины по примеру орлока нос не вешали.

Печальную весть отправили вперед с ямщиками. В итоге Сорхатани успела подготовить город к трауру. Утром, когда подошло войско, развели огонь под жаровнями, полными кедровых щепок и уда. Над Каракорумом вился серый дым, наполняя город сильными ароматами. В кои веки заглушилась вонь забитых сточных канав.

Вместе с дневными охранниками, облачившимися в свои лучшие доспехи, Сорхатани ждала у городских ворот войско старшего сына. Хубилай только вернулся в Каракорум: раньше Мункэ он успел лишь благодаря своей личине ямщика. «Старость не радость», – думала Сорхатани, стоя на ветру и глядя на пыль, которую поднимали десятки тысяч всадников. Один из стражей прочистил горло и зашелся кашлем. Сорхатани глянула на него, молча призывая к тишине. Мункэ был еще далеко, поэтому она приблизилась к стражнику и коснулась рукой его лба. Тот пылал. Женщина нахмурилась. Краснолицый охранник не мог ответить на ее вопросы. Когда Сорхатани заговорила, он бессильно поднял руку, и она, раздосадованная, жестом отправила его прочь от ворот.

В горле запершило, и Сорхатани сглотнула, чтобы не оконфузиться. Лихорадка одолела двух ее слуг, но женщине сейчас было не до этого: Мункэ возвращался.

Сорхатани подумала о муже, погибшем много лет назад. Тулуй отдал жизнь за спасение Угэдэй-хана и даже не мечтал, что его сын однажды взойдет на ханский престол. Но раз Гуюк погиб, других кандидатов нет. Бату обязан ей всем, не только жизнью. Хубилай не сомневался, что Бату не станет мешать ее семье. Сорхатани беззвучно поблагодарила дух мужа за то, что Тулуй пожертвовал собой и сделал случившееся возможным.

Войско остановилось и рассредоточилось вокруг города. Коней разгружали и пускали пастись на траве, выросшей за месяцы похода. Сорхатани подумала, что луга Каракорума скоро снова станут пустыней. Вон Мункэ с темниками и тысячниками. Интересно, расскажет ли она ему когда-нибудь о роли, которую сыграла в гибели Гуюка? Получилось совершенно не так, как планировали они с Хубилаем. Сорхатани собиралась только спасти Бату, но гибели хана совершенно не желала. Отдельные фавориты Гуюка тряслись от ужаса с тех пор, как услышали, что с их покровителем стряслась беда. Сорхатани столько натерпелась от их мелких колкостей, что ныне откровенно наслаждалась их страданиями. Она распустила стражу, которую приставил к ней Гуюк. Откровенно говоря, Сорхатани не имела на это права, но стражники сами почувствовали, что ветер переменился, и исчезли из ее покоев с удивительной быстротой.

Мункэ подъехал, спешил и чисто для проформы, смущаясь, обнял мать. Сорхатани заметила у него на поясе меч с волчьей головой, символ власти, но виду не показала. Мункэ еще не хан, его ждет немало трудных дней, пока Гуюка не похоронили или не сожгли.

– Мама, боюсь, я привез дурные вести. – Открыто о случившемся еще не сообщали. – Гуюк-хан пал от руки своего слуги во время охоты.

– Пробил скорбный час для нашего народа, – церемонно отозвалась Сорхатани, наклонив голову. Подступающий кашель стянул грудь, и женщина спешно проглотила слюну. –

Царевичей нужно собрать на новый курултай. Я разошлю гонцов и на следующую весну созову царевичей в город. Народу нужен хан, сын мой.

Мункэ пристально посмотрел на мать. Глаза ее блеснули. Тонкий намек, сокрытый в конце фразы, вероятно, расслышал один орлок. Он чуть заметно кивнул в ответ. Военачальники уже считали Мункэ ханом, ему осталось лишь объявить об этом всенародно. Он сделал глубокий вдох, глянул на почетный караул, который собрала его мать, и со спокойной уверенностью проговорил:

– Нет, мама, только не среди этих холодных камней. Я – правомочный хан, внук Чингисхана, решение за мной. Я призову народ в долину Аврага, где Чингисхан провел первый курултай.

На глаза Сорхатани навернулись непрошеные слезы гордости, и она молча кивнула.

– Народ отделился от принципов, заложенных моим дедом, – объявил Мункэ уже громче, чтобы слышали и военачальники, и стража. – Я верну его на путь истинный.

Он взглянул на раскрытые городские ворота, за которыми десятки тысяч человек работали на благо империи: кто вносил скромную лепту, кто – большую, соразмерно своим доходам. На лице Мункэ мелькнуло презрение. Впервые, как Сорхатани узнала о гибели Гуюка, она встревожилась. Думалось, сыну понадобится ее помощь, чтобы подчинить город своей власти, а Мункэ, казалось, не видел Каракорум и не интересовался им.

Когда он заговорил, опасения Сорхатани подтвердились.

– Мама, тебе стоит удалиться в свои покои. По крайней мере, на несколько дней. Я доставил в Каракорум факел и, прежде чем стать ханом, очищу город от скверны.

Сорхатани отступила на шаг, а Мункэ вскочил на коня и через городские ворота поскакал к дворцу. Его свита была при оружии. Сорхатани по-иному взглянула на хмурые лица воинов, последовавших в Каракорум за своим господином. Они подняли такую пыль, что она закашлялась, из глаз снова потекли слезы.

К полудню благовония на жаровнях догорели, начался положенный траур по Гуюк-хану. Его тело поместили в дворцовый подвал, чтобы вымыть и обрядить для погребального костра.

Через полированные медные двери Мункэ вошел в зал для приемов. Завидев его, придворные поклонились, коснувшись лбами деревянного пола. Гуюку это нравилось, а вот Мункэ...

– Встать! – рявкнул он. – Хотите – кланяйтесь, но цзиньского лизоблюдства я не потерплю.

С grimасой отвращения Мункэ сел на богато украшенный трон Гуюка. Слуги неуверенно поднялись; орлок внимательно на них посмотрел и нахмурился. В зале не было ни одного чистокровного монгола – вот чего за несколько лет добились Гуюк и его отец, правивший до него. Какой смысл покорять народы, если они покоряют ханство изнутри? Главное – чистота крови. Но эту прописную истину такие, как Гуюк и Угэдэй, усвоить не в состоянии. Присутствующие в зале управляли империей, устанавливали налоги, обогащались, а их завоеватели прозябали в нищете. От злости Мункэ аж оскалился, еще больше всех напугав. Вот он глянул на Яо Шу, ханского советника. Долго не сводил с него глаз, вспоминая уроки, которые давал ему цзиньский монах. Яо Шу научил его основам буддизма, арабскому и мандаринскому наречиям... Как Мункэ ни презирал ту науку, он восхищался учителем и понимал: Яо Шу незаменим. Орлок поднялся и прошел мимо слуг, хлопая старших по плечу.

– Встаньте у трона, – велел он, и те тотчас же повиновались. В итоге он отобрал шестерых и остановился возле Яо Шу. Советник не сутулился, хотя, вероятно, в зале был самым старшим. В молодости он знал Чингисхана, и уже за это Мункэ не мог его не уважать. – Этих людей ты, советник, оставишь. Остальных наберешь из чистокровных монголов. Не допущу, чтобы моим городом управляли чужеземцы.

Яо Шу мертвенно побледнел, но в ответ лишь отвесил поклон.

Мункэ улыбнулся. Он был в доспехах, наглядно показывая, что шелк в Каракоруме больше не носят. Возмужавшие в битвах, монголы попали в руки цзиньских придворных. Это никуда не годится. Мункэ приблизился к стражнику и шепнул ему на ухо приказ. Тот убежал прочь, а писцы и придворные встревоженно уставились на орлока, который, продолжая улыбаться, смотрел на город в открытое окно.

Стражник принес палку с тонким кожаным шнуром на конце. Плеть. Мункэ взял ее и расправил плечи.

– Вы разжирили в городе, которому не нужны, – заявил он, махнув плетью в воздухе. – Отныне такому не бывать. Вон из моего дома!

Придворные застыли, шокированные его словами, и Мункэ тотчас воспользовался промедлением.

– Ах, вы еще и обленились при Гуюке и Угэдэе?! Когда монгол – любой из монголов – отдает приказ, нужно пошевеливаться!

Мункэ хлестнул ближайшего к нему писца, перевернув плеть рукоятью вперед. Тот с криками упал на спину, а Мункэ принялся от души его дубасить. Зал огласился криками – придворные спасались бегством, а орлок ухмылялся. Он хлестал, хлестал и хлестал, порой до крови. Писцы бросились вон из зала, а Мункэ продолжал бить замешкавшихся по ногам, по лицам – куда попало.

Он гнал их к внутреннему двору, где на солнце блистало серебряное дерево. Иные падали, а Мункэ смеялся и пинками заставлял их подниматься, кряхтя от боли. Словно пастух среди овец, он орудовал плетью, чтобы отара не разбредалась. Наконец впереди замаячили ворота. На башнях по разные стороны от них стояли стражники и изумленно взирали на происходящее. Мункэ не сбавил темп, даром что взмок от пота. Он хлестал, пинал, лупил, пока не вытолкнул за ворота последнего цзиньца. Лишь тогда остановился, тяжело дыша в тени ворот.

– Вы достаточно получили от монголов, – объявил он. – Отныне либо честно зарабатывайте себе на хлеб, либо голодайте. Сунетесь ко мне в город – поплатитесь головой.

Цзиньцы взвыли от злости, и Мункэ подумал, что они еще припомнят ему эту обиду. У многих в Каракоруме остались жены и дети... Только орлоку было все равно. Ему даже хотелось, чтобы придворные взбунтовались – так и подмывало схватиться за меч. Ученых и писцов Мункэ не боялся. Они же цзиньцы – ни ум, ни гнев им не помогут.

Когда яростные вопли сменились бессильным ропотом, орлок посмотрел вверх на стражников.

– Закройте ворота! – скомандовал он. – Запомните их лица. Сунется кто в город, разрешаю пустить стрелу.

Видя ужас в глазах толпы, Мункэ рассмеялся. Оспорить его приказы не решался никто. Он подождал, пока ворота закроются, а вид на равнины сузится в щелку и исчезнет начисто. Цзиньцы за воротами выли и рыдали, а Мункэ кивнул дневным стражникам, бросил наземь окровавленную плеть и двинулся во дворец. По дороге ему попались тысячи цзиньских лиц: люди выглядывали из домов посмотреть на человека, который весной станет ханом. Мункэ поморщился: ему снова напомнили, как сильно город отклонился от своего истинного предназначения. Только он не Гуюк и препятствовать своим планам не позволит. Монголы теперь – его народ.

По сравнению с утром аромат уда ослабел, но в городе по-прежнему воняло, как в лазарете после битвы. Мункэ мрачно подумал о ранах, которые видал в своей жизни, – воспаленные и блестящие от гноя. Нужна смелость и твердая рука, чтобы очистить такую рану; зато после болезненного надреза начнется заживление. Мункэ улыбнулся на ходу. Твердой рукою станет он.

К наступлению темноты Каракорум загудел. По приказу Мункэ воины отрядами по десять-двадцать человек проникли в город и прочесали каждую улицу, осмотрев имущество каждой семьи. При малейших признаках сопротивления хозяев вытаскивали на улицу, прилюдно избивали и бросали лежать на дороге до тех пор, пока осмелевшая родня не выполняла и не забирала их обратно. Иные целую ночь валялись там, где их бросили.

Ложа больных и те обыскивали – а вдруг где спрятано золото или серебро. Больных вытряхивали из постелей и заставляли стоять на холоде, пока воины не закончат. Многие кашляли и дрожали, с бессильной апатией наблюдая за бесчинствами. Больше других пострадали цзиньские семьи, но и ювелиры-мусульмане за ночь потеряли все свое добро – от сырья до готовых украшений, выставленных на продажу. По идее, все, что изъяли, следовало описывать, а на деле ценности исчезали за пазухами дэли, которые воины носили поверх доспехов.

Рассвет не принес передышки – лишь выявил масштаб погромов. На каждой улице валялось по трупу, город оглашал плач женщин и детей.

Центром погромов стал дворец – точнее, роскошные покои придворных и фаворитов Гуюка. Их жены либо достались воинам Мункэ, либо угодили за городские ворота к своим мужьям. Атрибуты высоких должностей уничтожили – и гобелены, и буддийские скульптуры. Впрочем, во дворце зачистка проходила под личным надзором Мункэ. Все ценное аккуратно собирали и складывали в подвалах, прочее сжигали на огромных уличных кострах.

На второй вечер после возвращения в город орлок вызвал в зал для приемов двух военачальников, которым доверял больше других. Илугея и Нояна он считал настоящими монголами, выросшими с луками в руках. Ни тот, ни другой не поддавались цзиньским веяниям. Впрочем, уже и поддавшиеся спешно брили голову и избавлялись от немонгольских вещей. Мункэ недвусмысленно выразил свою волю, когда плетью выгнал из города цзиньских писцов.

Сам факт встречи с военачальниками в отсутствие иноземных чиновников, которые фиксировали бы сказанное, был решительным отказом от наследия Гуюка. Яо Шу Мункэ пощадил, но не желал допускать старика на собрание, пока обсуждается главное. Прежний хан наделал уйму долгов, а ведь их нужно выплачивать. Лишь небесному отцу известно, как Гуюк умудрился столько занять, при том что казна пуста. Встревоженные купцы уже осаждали Мункэ просьбами расплатиться по распискам. Орлок поморщился. Отобранное у цзиньцев покроет большинство долгов Гуюка, но это значит остаться без средств на многие месяцы. Честь обязывала расплатиться, к тому же Мункэ нуждался в благоволении купцов и в их товаре. Оказывается, дело хана не только громить врагов.

Мункэ еще не понял, правильно ли поступил, согнав всех придворных с насиженных мест. Он подозревал, что Яо Шу закидает его мелкими проблемами – хотя бы потому, что не одобряет этот шаг. Ну и пусть, воспоминания о забавах с хлыстом грели Мункэ душу. Он должен был показать, что не такой, как Гуюк, и что отныне Каракорум принадлежит монголам.

– К Дорегене людей отправили? – спросил орлок Нояна.

Военачальник гордо стоял перед ним в традиционном дэли, лицо его лоснилось от свежего бараньего жира. Он явился без доспехов, а меч Мункэ разрешил оставить. В отличие от Гуюка и Угэдэя, своего окружения орлок не боялся.

– Да, господин, отправили. Как выполняют задание, они сразу мне сообщат.

– А как насчет Огуль-Каймиш, жены Гуюка? – спросил Мункэ, переведя взгляд на Илугея.

Прежде чем ответить, тот поджал губы.

– Эта проблема... еще не решена, господин. Я посылал воинов к ней в покои. Их не пустили, а я подумал, что вам не захочется поднимать шум. До завтра она непременно выйдет.

Мункэ не отреагировал на эти слова, и Илугей вспотел под взглядом его желтых глаз. Наконец орлок кивнул.

– Как ты, Илугей, выполняешь мои приказы, меня не касается. Доложи, когда все будет готово.

– Да, господин, – отозвался тот и вздохнул с облегчением.

Мункэ отвернулся, и Илугей заговорил снова:

– Огуль-Каймиш... в городе любят, господин мой. Везде только и говорят о ее беременности. Могут начаться волнения.

Орлок зыркнул на потного старика.

– Так вытащи ее из покоев ночью. Избавься от нее, Илугей, это мой приказ.

– Да, господин. – Военачальник пожевал губу. – Огуль-Каймиш не расстается с двумя служанками. Если верить сплетням, та, что постарше, разбирается в травах и древних обрядах. Думаю, не околдовала ли она госпожу своими заклинаниями.

– Я ничего не слышал... – Мункэ осекся. – Да, Илугей. Повод хороший. Раскопай правду. Колдовство – злодеяние серьезное. Если обвиним Огуль-Каймиш в колдовстве, никто за нее не вступится.

Он отпустил военачальников и вызвал Яо Шу. Нелегка жизнь будущего хана, но Мункэ избрал себе высокую цель. Он вскрыет гноящуюся рану, и та очистится. Всего через несколько месяцев он будет править монгольской империей без цзиньской скверны в самом ее сердце. Прекрасная мечта! Сверкающими от счастья глазами Мункэ смотрел, как ему кланяется Яо Шу.

Глава 11

Дорегене сидела в летнем дворце своего мужа. Тишину зала нарушало лишь негромкое шипение лампы. Опрятный белый дэли, новые туфли из белого полотна, седые волосы убраны назад так, что из парных заколок не выскальзывает ни пряди. Украшений не осталось: Дорегене все раздала. В такое время о прошлом думать не хотелось, а о настоящем не получалось. Она столько плакала по Гуюку, что болели глаза, но сейчас в душе воцарилось спокойствие. Слуг тоже не осталось. Когда ей сообщили, что по дороге из Каракорума идут воины, у Дорегене сердце екнуло. В летнем дворце жили двенадцать слуг, кое-кого она знала десятилетиями. Со слезами на глазах госпожа отдала им все золото и серебро, которое сумела найти, и отпустила. Она не сомневалась: воины Мункэ перебьют их, когда явятся сюда. Дорегене слышала о расправах, проводимых орлоком в городе, и даже подробности отдельных казней. Мункэ избавлялся от тех, кто поддерживал Гуюка, и она не удивилась, что он послал к ней воинов; чувствовала только усталость.

Когда слуги разошлись, Дорегене устроилась в самом спокойном месте дворца и устремила взгляд на закат. Пуститься в бега не позволял возраст, даже если бы она надеялась избавиться от преследователей. Как странно смотреть в глаза неминуемой смерти, хотя ни страха, ни злости не было. Дорегене совсем недавно потеряла любимого сына и слишком сильно по нему горевала, чтобы жалеть себя. Она чувствовала себя обессиленной, как человек, переживший сильный шторм: он способен лишь судорожно дышать и отлеживаться на камнях, глядя прямо перед собой.

Из ночного сумрака донеслись голоса воинов Мункэ: они подъехали и спешили. Дорегене слышала тихие звуки, от хруста сапог по камням до звона упряжи и доспехов. Она подняла голову, вспоминая лучшие годы. Угэдэй, ее муж, был хорошим человеком и хорошим ханом, но мстительная судьба не дала ему пожить. Не погибни он... Дорегене вздохнула. Не погибни Угэдэй, она не ждала бы смерти, брошенная всеми во дворце, который знал счастливые дни. Дорегене подумала о розовых кустах, подаренных ей Угэдэем. Без присмотра они одичают. Женщина размышляла то об одном, то о другом, прислушиваясь к приближающимся шагам.

Гордился бы Угэдэй Гуюком? Дорегене сомневалась. Великим человеком ее сын не был. Лишенная будущего, она четче видела прошлое: сколько ошибок совершила, сколько неверных решений приняла. Глупо оглядываться назад и думать: если бы да кабы... Но удержаться от этого Дорегене не могла.

Когда за дверями зала заскрипели сапоги, ее мысли скомкались. Она вдруг испугалась и сложила руки замком. И тут в зал один за другим стали просачиваться воины. Они ступали чуть слышно и держали мечи наголо, опасаясь атаки. Дорегене едва не рассмеялась, глядя на них, и медленно поднялась, чувствуя, как протестуют колени и спина.

Старший из воинов приблизился и удивленно заглянул ей в глаза.

– Госпожа, вы одна? – спросил он.

Глаза Дорегене вспыхнули.

– Я не одна. Справа от меня – мой муж Угэдэй-хан, слева – мой сын Гуюк-хан. Неужели вы их не видите? Они наблюдают за вами!

Слегка побледнев, воин скользнул взглядом направо, потом налево, словно Дорегене впрямь защищали духи. Но тут же поморщился: спутники следят за каждым его шагом и каждое слово передадут Мункэ.

– Госпожа, я выполняю приказы, – проговорил он, как будто извиняясь.

Дорегене еще выше подняла голову, вытянувшись в струну.

– Меня загрызают псы, – пробормотала она, презрением изгоняя страх, и громко добавила: – За все на свете нужно платить, воин. – Подняла глаза, словно видела сквозь каменную крышу над головой. – Мункэ-хан падет. Нальются кровью его глаза, сон и покой он забудет. Жить ему в боли и немочи, а потом...

Одним взмахом меча воин перерезал Дорегене горло. Она со стоном упала, быстро ослабев; ее кровь хлынула на сапоги воина. Посланцы Мункэ молча смотрели, как умирает старая женщина. Летний дворец они покинули быстро, испуганные тишиной, сели на коней, не глядя друг на друга, и поскакали прочь.

* * *

Военачальник Илугей стоял перед Мункэ и, сам не понимая почему, волновался. Откуда эти странные переживания? Для нового правителя естественно истреблять сторонников своего предшественника. Кроме того, совершенно разумно устранить тех, кто связан с прошлым режимом родственной связью. Восстания не вспыхнут, если дети врагов не вырастут и не научатся ненавидеть. Потомки Чингисхана усвоили уроки его жизни.

С особым удовольствием Илугей заносил своих врагов в списки, которые готовил для Мункэ. О такой власти он и не мечтал! Просто диктуешь писцу имя, а через день ханская охрана разыскивает и казнит названного. Протестовать никто не осмеливался.

Но увиденное тем утром выбило Илугея из колеи. Мертворожденные дети для него не в новинку, его собственные жены родили ему четверых таких. Но, наверное, поэтому холодное маленькое тельце подточило его решимость. Илугей подозревал, что Мункэ заподозрит его в слабости, поэтому старался говорить равнодушно.

– Господин мой, боюсь, жена Гуюка потеряла рассудок, – доложил он орлоку. – Лепечет, как дитя, льет слезы, баюкает мертвого младенца, точно живого...

Мункэ закусил нижнюю губу, раздосадованный тем, что простое задание обернулось такими трудностями. Наследник был бы угрозой; сейчас же Мункэ мог спокойно отослать Огуль-Каймиш к родителям. Он, конечно, фактически хан, но не провозглашенный перед всем народом, и у его власти есть предел... Мункэ беззвучно проклял Илугея, сообщившего ненужные подробности преступлений Огуль-Каймиш. От прилюдного обвинения в колдовстве не отмахнешься, это уже серьезно. Орлок сжал кулаки, вспомнив тысячи других дел, которыми следовало заняться. За несколько дней были казнены сорок три сторонника Гуюка. Их кровь залила учебное поле вокруг города. В ближайшее время кровь прольется снова, иначе гнойную рану не вскрыть.

– Приказ остается в силе, – наконец проговорил Мункэ. – Добавь ее имя к списку, и покончим с этим.

Илугей поклонился, пряча разочарование.

– Воля ваша, господин.

Глава 12

Огуль-Каймиш стояла на берегу реки Орхон и смотрела на темную воду. Связанные за спиной руки онемели и опухли. Ее караулили двое мужчин, следивших, чтобы она не бросилась в воду раньше времени. Огуль дрожала на утреннем холоде, но старалась обуздать свой страх, чтобы не потерять достоинство.

Присутствовал и Мункэ со своим окружением. Он слушал кого-то из военачальников и улыбался. Минули те дни, когда хан со свитой выглядели живописно и ярко. Сейчас все воины и старшие помощники Мункэ носили простые дэли, украшенные разве что стежкой, а большинство и традиционную прическу – длинный хохол на бритой макушке. Лица лоснились от свежего бараньего жира. Без оружия явились только Яо Шу и уцелевшие цзиньские писцы, у остальных мечи болтались чуть ли не у лодыжек – тяжелые кавалерийские мечи, которыми на всем скаку рубят врагов. В Каракоруме имелись собственные плавильни, где оружейники день-деньской трудились у горнил. Каждый понимал: Мункэ готовится к войне и начнет ее сразу, как только добьет друзей и соратников Гуюка.

Друзей и соратников ее мужа... В тот день Огуль ничего не чувствовала, словно вокруг сердца вырос защитный панцирь. Она потеряла слишком много и слишком быстро – от случившегося до сих пор кружилась голова. На старую Баярмуу, свою любимую служанку, Огуль даже взглянуть не смела – связанная, бедняжка ждала казни вместе с десятком других.

Орлок никуда не спешил. Самый крупный в своей свите, он выделялся на фоне присутствующих, тем более что стоял в центре. Тяжелый, а двигается легко – вот что дают сила и молодость,¹⁵ позволяющая ей насладиться. Огуль мечтала, чтобы он упал замертво перед всеми, только разве такое случится? Мункэ же не замечал страданий жалкой кучки приговоренных. На глазах у Огуль он взял у слуги чашу с архи и захохотал вместе с приятелями. Почему-то это особенно ранило: столько презрения даже в последний день жизни... Один из связанных не выдержал и обмочился – штаны потемнели, под ноги потекла тонкая теплая струйка. Несчастный не заметил этого: глаза у него уже помутнели. Огуль отвернулась, набираясь смелости. Бояться нужно только ножа. Ее казнь будет медленной.

К счастью, Мункэ помнил о том, что жена хана сама становится царских кровей. Огуль посмотрела на темные воды канала, который прорыл Угэдэй, и снова содрогнулась. Захотелось опорожнить мочевой пузырь, хотя утром женщина старалась не пить. От напряжения руки и ноги похолодели, пульс участился. При этом Огуль сильно потела, под мышками появились темные пятна. Она прислушивалась к малейшим изменениям в себе и дрожала, отчаянно стараясь отвлечься.

Мункэ допил архи, швырнул чашу слуге и кивнул военачальнику. Тот заорал, призывая к порядку. По струнке вытянулись все, даже кое-кто из приговоренных, насколько могло получиться в путах. Огуль лишь головой покачала: несчастные глупцы, неужели они надеются разжалобить мучителей? Ничего не выйдет.

Яо Шу тоже присутствовал, хотя Огуль почудилось, что ему очень не по себе. Поговаривали, что советник пропустил первые казни, сославшись на болезнь, но изощренный мучитель Мункэ почувствовал неладное, и теперь без Яо Шу не обходилась ни одна расправа. Зачитали список приговоренных. Огуль слушала имена и грустно наблюдала, как каждый из приговоренных кивает, услышав свое.

После долгого ожидания страшная процедура неожиданно ускорилась. Несчастных пинками заставили опуститься на колени, а от свиты Мункэ отделился молодой воин с длинным мечом. Огуль знала: служить орлоку для него большая честь. На его месте мечтали

¹⁵ На тот момент Мункэ исполнилось 40 лет.

оказаться многие воины, еще не пролившие кровь в битве. Огуль вспомнила, как в одном далеком городе Чингисхан подверг казни десятки тысяч человек, только чтобы научить воинов убивать.

Огуль не слушала обвинений, которые дрожащим голосом зачитывал Яо Шу, держа текст перед собою. Палач уже подошел к первой коленопреклоненной фигуре, готовясь произвести хорошее впечатление на Мункэ.

Началась расправа. Огуль не сводила глаз с реки, игнорируя крики одобрения и смех людей орлока. Баярмаа стояла четвертой, и Огуль заставила себя взглянуть на старуху. Служанку обвинили заодно с Огуль-Каймиш – мол, именно она втянула жену хана в колдовство.

Когда мечник резко заговорил с нею, Баярмаа не склонила голову и не вытянула шею. Не обращая на него внимания, она смотрела на Огуль. Женщины переглянулись, и служанка улыбнулась, прежде чем два удара мечом отняли у нее жизнь.

Огуль смотрела на темные воды, пока расправа не закончилась. Когда казнили последнего, она подняла голову и увидела, что молодой палач потрясенно разглядывает свой клинок. Наверняка на нем остались следы от костей. Мункэ подошел к юноше, похлопал по спине и вручил чашу с архи. Огуль наблюдала за ними с мрачной ненавистью. Когда орлок повернулся к ней, у женщины испуганно екнуло сердце, а связанные руки непроизвольно зашевелились.

Яо Шу назвал ее имя. Сей раз голос его дрогнул так явно, что Мункэ нахмурился. Чингисхан запретил монголам лить благородную кровь. Но мысль об иных способах казни вселяла в Огуль панику.

– Огуль-Каймиш опозорила имя хана колдовством и прочими гадкими занятиями, доведшими до убийства собственного дитяти.

Женщина сжала кулаки, погружаясь во внутреннюю пустоту, чтобы устоять на ногах.

Яо Шу дочитал обвинение и спросил, не выступит ли кто в защиту Огуль-Каймиш. В воздухе сильно пахло кровью. Никто не шевельнулся, и Мункэ кивнул воинам, стоявшим рядом с Огуль.

Несчастная дрожала, когда ее уложили на толстую войлочную подстилку. Непроизвольно задвигались ноги – инстинкты заставляли бежать, а она не могла. Яо Шу вдруг затянул молитву в ее спасение. Мункэ свирепо глянул на него, но старик продолжал молиться, хоть у него срывался голос.

Воины завернули Огуль так плотно, что затхлый войлок облепил ей лицо и наполнил легкие пылью. Поддавшись панике, женщина вскрикнула, но крик тут же утонул в плотной ткани. Материал натянулся: сверток скрепили кожаными ремнями и застегнули застегки. При Мункэ звать на помощь Огуль не собиралась, но не сдержала стон, вырвавшийся из горла, как из ловушки. Тишина казалась бесконечной, собственный пульс звучал в ушах Огуль барабанной дробью. Сверток пришел в движение – его медленно покатали к каналу.

Когда ледяная вода накрыла ее, Огуль дико забилась, глядя, как вокруг лопаются серебряные пузырьки. Войлочный сверток быстро пошел ко дну. Огуль задержала дыхание и терпела, сколько могла.

* * *

Ночь выдалась холодная, но Сорхахтани лежала под одной простыней. Хубилай склонился над ней, а взяв за руку, чуть не отпрянул: такой горячей была мать. Прокатившаяся по Каракоруму лихорадка уже шла на убыль: день ото дня заболевало все меньше людей. Так случалось каждое лето: зараза терзала десятки или сотни горожан, зачастую еще не окрепших от прошлой немочи.

Со слезами на глазах Хубилай смотрел, как мать задыхается от кашля. Сорхахтани изгибалась дугой, слабые мышцы напрягались. Приступ закончился, она судорожно вдохнула воздух. Женщина жалела, что сын видит ее такой изнуренной. Она улыбнулась, хотя глаза ее были тусклыми и безжизненными.

– Продолжай, – попросила она.

– Яо Шу заперся у себя в покоях. Никогда не видел его таким расстроенным. Бедная Огуль! Ужасная смерть...

– Смерть всегда ужасна, – прохрипела Сорхахтани. – Иначе не бывает, Хубилай. Нам дано лишь не замечать ее, пока она не настигнет нас. – Говорить было невыносимо тяжело, и Хубилай попробовал остановить Сорхахтани, но она лишь отмахнулась. – Люди на это великие мастера. Живут, понимая, что умрут, часто говорят об этом, а сами не верят. Каждый втайне надеется, что именно его смерть обойдет стороной, что именно он будет жить вечно и не состарится. – Она снова закашлялась; Хубилай морщился и терпеливо ждал, пока мать снова сможет дышать. – Вот и я даже сейчас надеюсь... выжить. Сынок, я старая дура.

– Не старая и не дура, – тихо возразил Хубилай. – Ты до сих пор мне нужна. Чем бы я занимался, если бы не разговаривал с тобой?

Сорхахтани снова улыбнулась, ее лицо сморщилось, как старая тряпка.

– Я не хочу... отправляться к твоему отцу сегодня же. Хочу сказать Мункэ, что я думаю о его казнях.

Хубилай скривился.

– Судя по слухам, он потряс воображение царевичей и военачальников. А кому по вкусу бойня? Они называют его новым Чингисом.

– Наверное, так оно и есть, – задыхаясь, проскрипела Сорхахтани.

Хубилай поднес ей чашу с яблочным соком, который она выпила с закрытыми глазами, и заметил:

– Мункэ мог прогнать Огуль-Каймиш и ее старую служанку.

Он изучал житие своего деда и подозревал, что мать права, однако это не избавляло от горечи. Менее ста казней – и его старший брат прослыл безжалостным. Разумеется, как правителю, это ему не мешало. Люди считали Мункэ символом эпохи новых завоеваний. И, вопреки опасениям и личной неприязни, Хубилай понимал, что люди правы.

– Он станет ханом, сынок. Не оспаривай его решений. Запомни, твой брат не Гуюк. Мункэ силен.

– И глуп, – шепнул Хубилай.

Сорхахтани засмеялась, а потом закашлялась. Такого сильного приступа сын у нее еще не видел. Она кашляла и кашляла, а когда промокнула рот простыней, царевич увидел на ткани кровавое пятно. Он смотрел на него во все глаза.

Едва кашель стих, Сорхахтани покачала головой и чуть слышно проговорила:

– Мункэ не дурак, Хубилай. Он понимает куда больше, чем ты думаешь. Его воинам пастухами уже не стать. Он играет с огнем, сынок. Отступать уже поздно.

Хубилай нахмурился: ну почему его мать во всем поддерживает Мункэ?! Ему хотелось разделить с ней свой гнев, а не выслушивать оправдания действий брата. Не успев заговорить, он вдруг понял: Сорхахтани ему мать и лучшая подруга, но равного отношения к своим детям от нее не жди. Она просто не видит недостатков Мункэ. Хубилай с досадой подумал, что в лучшем случае обидит ее. Он прикусил язык, запретив себе спорить.

– Я подумаю над этим. Мама, ты, главное, выздоравливай. Хочешь ведь увидеть, как Мункэ станет ханом?

Сорхахтани слабо кивнула. Прежде чем уйти, Хубилай вытер ей пот со лба.

* * *

Тело Гуюка сожгли на ритуальном костре за Каракорумом, и траур закончился. Тело загнивало даже в холодном подвале, и от костра сильно пахло ароматическими маслами. Мункэ наблюдал, как пламя уничтожает его предшественника. Каждый второй из присутствующих был пьян. Дух хана нужно проводить в мир иной – других предлогов не потребовалось. Пьяные тысячами брели к погребальному костру, брызгали архи с кончиков пальцев или попросту выплевывали в огонь. Кое-кто подбирался слишком близко и с криками отбегал: одежда занималась, и ее приходилось тушить. Во тьме мелькали тысячи мотыльков и кусачих насекомых, ярким светом привлеченных из города и поселений. Мошки гибли миллионами, летя на пламя и черным облаком нависая над костром. Мункэ вспомнил девушек, слуг и воинов, похороненных вместе с Гуюком. «С ним горят одни мошки», – подумал он и улыбнулся.

Когда огромный костер превратился в сияющую гору выше человеческого роста, Мункэ послал за братьями. По его приказу Хубилай, Хулагу и Арик-бокэ вместе с ним отправились в притихший город, оставив народ пировать. После такой ночи на свет появятся дети, в пьяных ссорах погибнут мужчины и женщины, но ведь жизнь и смерть соединены навеки. Все правильно, так и должно быть.

Братья шли по городу, казавшемуся пустым. Мункэ и Хубилай, такие разные внутренне и внешне, непроизвольно держались впереди. Хулагу, не отстававший от старших братьев, такой же коренастый и широколобый, как Мункэ. Арик-бокэ – самый низкорослый, с бегающим взглядом и старым уродливым рубцом через все лицо. Часть рубца была багровой, часть – желтой, как мозоль. Несчастный случай оставил его без переносицы, поэтому дышал Ариг шумно, через рот. Любой признал бы в четверке братьев, хотя непонимания между ними было больше, чем дружбы. Они молчали, ожидая, когда Мункэ поделится с ними планами.

Хубилай переживал больше других. Только он не отрекся от цзиньской культуры – ни в прическе, ни в тонкой шелковой одежде. Получился маленький бунт, но Мункэ пока мер не принимал.

Дворец охраняли ночные стражи: в свете ламп и тишине несли они свою службу. Кешиктены стояли по стойке «смирно», а заведев орлока, вообще уподобились статуям. Мункэ их словно не замечал, погрузившись в раздумья. Через внешний двор он буквально пронесся; Арик-бокэ едва поспевал за братьями, спешащими через внутренние дворы к залу для приемов.

Двери из полированной меди тоже караулили кешиктены. На сверкающих рамах ни зеленого пятнышка, сильно пахло воском. Мункэ еще не стал ханом, но в городе его приказы считались законами и выполнялись неукоснительно.

Со скрытым раздражением Хубилай наблюдал, как брат входит в зал, убирает салфетку с кувшина, наливает в чашу вино и выпивает его быстрыми глотками. Сидеть стало негде. Зал опустел – остался лишь длинный стол, заваленный картами и свитками, перевязанными разноцветными нитками. Сверкающий трон Гуюка и Угэдэя исчез – наверняка пылился где-нибудь в ожидании нового века.

– Хотите вина? Пейте! – предложил Мункэ.

Хулагу и Арик-бокэ подошли к столу, а Хубилай все стоял у двери и ждал объяснений: зачем они здесь?

Объяснения не замедлили себя ждать.

– Весной я стану ханом, – заявил Мункэ. Он не торжествовал, просто констатировал факт. – Я – орлок войска и внук Чингисхана. Байдур возражать не будет, а Бату написал, что поддерживает меня.

Хубилай переступил с ноги на ногу, и Мункэ остановился. Волею Угэдэя двум самым влиятельным царевичам достались далекие земли. Они против не выступят. Простоватый Мункэ вознесся над всеми ними. Он принимал это как должное; впрочем, если честно, никого другого тумены и не приняли бы.

– Да, брат, быть тебе ханом, – проговорил Хубилай, соглашаясь с мнением Мункэ. – Наш отец гордился бы сыном, который вознесся так высоко.

Орлок пристально на него взглянул: не смеется ли Хубилай? Насмешки не почувствовал – и хмыкнул, радуясь своему превосходству.

– Ничего, я и вас пристрою, – пообещал он братьям. Хубилай отметил, что обращается он к Хулагу и Арик-бокэ, но все равно кивнул. – Мы вознесемся вместе, как и хотелось бы отцу. Сегодня мы обсудим будущее нашей семьи.

Хубилаю не верилось, что будет именно обсуждение. Мункэ уже вжился в роль властителя и теперь поучал их не как старший брат, а как отец детей. Он похлопал Хулагу по плечу, и Хубилай подивился, как они похожи. Мункэ был чуть шире в плечах, но глаза у Хулагу такие же холодные.

– Походы начнем, не дожидаясь весны, – объявил орлок. – Мир слишком долго ждал, пока падет слабый хан. Наши враги окрепли без руки у них на горле и ножа у сердца их близких. Пора напомнить, кто кому господин.

Хулагу осушил вторую чашу красного вина, причмокнул губами и одобрительно хмыкнул. Мункэ довольно взглянул на него, отметив в брате те же черты, что и Хубилай.

– Хулагу, я написал приказы, которыми назначаю тебя командующим войском Байдура на западе и выделяю еще три каракорумских тумена. Произвожу тебя в орлоки ста тысяч и даю в помощники трех лучших командиров – Байджу, Илугея и Китбуку.

Каково было удивление Хубилая, когда Хулагу опустился на колени и отвесил поклон.

– Спасибо, брат! – поблагодарил он, поднявшись. – Для меня это большая честь.

– Ты смерчем пронесешься по южным и западным землям, избрав исходной точкой Самарканд. Байдур моим приказам не воспротивится. Заверши труды нашего деда, Хулагу. Зайди дальше, чем ходил он. Хочу, чтобы ты создал себе новое ханство, полное богатств.

Мункэ вручил младшему брату свиток и проследил, как тот разворачивает карту тех земель, тщательно срисованную и размеченную кривыми и точками давно умершим персидским писцом. Хубилай восхищенно уставился на карту и невольно подошел ближе. Каракорумская библиотека полна сокровищ, которых он даже не видел...

– Великий город расположен вот здесь, на берегах реки Тигр. Так далеко не заходил сам Чингисхан. Этот город – центр религии, которую называют исламом. Языком ты, Хулагу, владеешь достаточно. Если покоришь его, превратишь в сердце своего нового ханства.

– Покорю, брат! – пообещал ошеломленный Хулагу.

Мункэ понял, что брат вне себя от счастья, и снова налил ему вина.

– Потомки Тулуя пришли к власти, – объявил он, глядя на Хубилая. – Мы не допустим, чтобы после нас положение изменилось. Дело деда продолжают наши потомки. Братья, это судьба. Наш отец отдал жизнь за спасение хана. Наша мать берегла этот город и родину, когда все попросту могло развалиться. – Глаза Мункэ сияли: он явно рисовал себе будущее. – И все было ради этого момента: четверо братьев в главной зале дворца. Будущее ждет нас, как нежная отроковица.

Хубилай молча наблюдал, как улыбаются Хулагу и Арик-бокэ, очарованные красивыми словами Мункэ. Стоять отдельно от братьев было неприятно, и он, наполнив свободную чашу вином, выпил. Младшие братья расступились, чтобы он дотянулся до кувшина, а Мункэ нахмурился. Хубилай потягивал вино, с досадой чувствуя, что Арик-бокэ трепещет от желания услышать, что уготовано ему; рубец на лице стал темно-розовым, чуть ли не красным.

В этот самый момент будущий хан сжал руку самого младшего из братьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.